

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения

На правах рукописи

Гугнин Александр Александрович

**Основные этапы развития
серболужицкой литературы
в славянско-германском контексте**

*специальность 10.01.05
литературы народов Европы, Америки и Австралии*

научный доклад
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва
1998

Работа выполнена в Институте славяноведения РАН

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Н.П. Михальская

доктор исторических наук А.В. Назаренко

доктор филологических наук, профессор Е.З. Цыбенко

Ведущая организация – Институт мировой литературы им.
А.М.Горького РАН

Защита диссертации состоится “18 июня” 1998 г. в 15.00 час.
в диссертационном совете Д 002.97.01 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте
славяноведения РАН (117334 Москва, Ленинский проспект, 32-а,
корпус “В”, 9 этаж).

Научный доклад разослан “15 мая” 1998 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
Д 002.97.01
кандидат филологических наук

М.И. Ермакова

© Институт славяноведения РАН

Введение: Обоснование темы, проблематики, методологии, методики и актуальности исследования

В настоящем докладе излагаются итоги исследовательской работы автора, в более обширном виде представленные в публикациях проблемно-монографического характера: “Серболужицкая словесность в эпоху Просвещения” (Новополоцк, 1994), “Серболужицкая литература в эпоху романтизма” (Новополоцк, 1994), “Верхнелужицкая литература в эпоху национального возрождения XIX века. Вводная глава” (Новополоцк, 1995), “История серболужицкой литературы: Краткий очерк с библиографией” (М., 1996), “Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней” (М., 1997 - 15 п.л.), а также в статьях и тезисах научных докладов общим объемом свыше 40 печатных листов (см. Список публикаций в конце данного доклада). **Апробация** историко-литературного материала и общетеоретических исходных посылок исследования проводилась, во-первых, в рамках научных конференций в России, Белоруссии, на Украине, в ФРГ, Италии и Австрии и, во-вторых, в ходе обсуждения монографических глав и статей автора в коллективные академические труды, из которых необходимо упомянуть “Историю всемирной литературы” (т. 7. М., 1991), “Историю литератур западных и южных славян” (т. 1-2. М., 1997; т. 3 готовится к печати), “Историю литератур Восточной Европы после второй мировой войны” (т. 1. М., 1995; т. 2 готовится к печати). В названных трудах особое внимание было уделено проблеме периодизации историко-литературного процесса в Верхней и Нижней Лужицах, разработана методика выделения и описания *основных этапов развития серболужицкой литературы*. Что же касается второго важнейшего компонента проблематики представленного доклада – а именно, *славянско-германского контекста* этой литературы, весьма существенно влиявшего на ее специфику на протяжении всей наблюдаемой истории ее развития, – то названная проблематика в ее различных аспектах излагалась автором на Международных семинарах сорабистов во Львове (1987, 1989, 1991), на Днях славянской письменности в Минске (1990) и Смоленске (1991), в докладах на XI Международном съезде славистов в Братиславе (1993), на международной конференции памяти Д. Чижевского в Киеве (1995), а также на конференциях и симпозиумах в ИСБ РАН в 1986-1997 гг.

При этом следует подчеркнуть, что по мере осознания первостепенной важности славянско-германского контекста для формирования *национальной специфики* серболужицкой литературы этот контекст стал занимать соответствующее место во всех работах автора по серболужицкой проблематике. Постепенно выявилась и необходимость уточнения самого понятия *контекст*

применительно к анализу истории литературы народа, никогда не имевшего ни собственной государственности, ни культурной автономии, ни даже собственного дворянства, то есть по сути лишенного каких бы то ни было *собственных средств* (даже в форме национального меценатства) для поддержания и развития национальной культуры и тем не менее сумевшего создать достаточно богатую и разветвленную национальную культуру и литературу. Феномен необычайной жизнестойкости маленького народа тем настоятельнее требовал удовлетворительного объяснения, что по крайней мере с XVI в. (со времен М. Лютера, отговаривавшего серболужичан переводить Библию на язык, который, по его мнению, в скором времени отомрет) и до сегодняшних дней постоянно раздавались пророчества о вот-вот грядущем исчезновении этого народа в результате его ассимиляции немцами. Но со времен М. Лютера прошло уже около 500 лет, и развившаяся именно за эти столетия серболужицкая литература приобрела настолько неповторимый, национальный колорит и своеобразие, что без нее, на наш взгляд, уже трудно представить литературный ландшафт современной Европы, не говоря уже о славянском литературном регионе.

Но именно последнее утверждение, очевидное для автора доклада из многолетних эмпирических штудий самой серболужицкой литературы, нуждалось в теоретическом обосновании и обобщении на сопоставительно-диахроническом уровне, позволяющем раскрыть это своеобразие на фоне истории так называемых больших или развитых литератур, на которые многие десятилетия были ориентированы попытки написания “всеобщей истории литературы” или “истории всемирной литературы”. Модель функционирования общепризнанно большой литературы была сравнительно детально изучена автором за 35 лет занятий историей немецкоязычных литератур (немецкая, австрийская, швейцарская, литературы ГДР и ФРГ) от истоков и до современности, что нашло свое отражение в более чем 300-х литературоведческих публикаций по названной проблематике¹. Занимаясь исследованием различных писателей, литературных жанров, кружков, течений, направлений и литературных эпох, автор поначалу совершенно не преследовал каких-либо целей компаративистского характера, для него гораздо важнее было уяснение индивидуальной неповторимости и самобытности каждого литературного явления. Но, во-первых, неповторимость может быть по-настоящему постигнута только в сопоставлении с другими родственными явлениями. И, во-вторых, именно изучение немецкоязычных литератур и попытки уяснить их национальную специфику с неизбежностью подталкивали к необходимости осознать особую роль социально-политического, этнокультурного и прочего внелитературного, но также и литературного *контекста*, игравшего определяющую роль не только на эпохальных поворотах историко-литературного процесса, но в конечном итоге сформировавшего сначала региональные различия, а затем и национальную специфику немецкоязычных литератур.

Особенно разительно роль внелитературных и внелингвистических факторов в развитии немецкоязычных литератур сказалась в XX в., когда в 1970-1980-х гг. фактически общепризнанным считалось наличие четырех самостоятельных литератур на немецком языке и литературоведы многих стран сопоставляли их на международных конгрессах, подводя теоретическую базу под обоснование специфики их национального развития². И суть здесь не столько в конъюнктурности мирового литературоведения, в его легкой приспособляемости к меняющейся политической и идеологической ситуации, сколько в том, что такие различия действительно существовали и продолжают сказываться до сих пор в литературе ФРГ, “вобравшей” в себя литературу ГДР в 1990-м году. Воздействие внелитературных факторов оказывается настолько существенным для развития собственно литературы, что будущие германисты просто вынуждены будут (и уже вне зависимости от конъюнктуры) изучать проблему *традиций литературы ГДР в литературе ФРГ*, которая может быть исследована на самых различных уровнях – вплоть до лингвистического. Не менее сложные проблемы встают и при исследовании истории австрийской литературы, где историко-литературный процесс зачастую просто невозможно рассматривать без уяснения постоянно менявшегося контекста национальной и региональной идентичности³. Вопрос о национально-культурной идентичности играет достаточно заметную роль в истории каждой национальной литературы, то почти исчерпываясь, то вдруг вновь обретая невиданную актуальность. И все же нетрудно проследить различия в степени актуальности и в формах освоения этого вопроса в литературах народов с постоянной государственностью (Франция, Англия), с “переменчивой” государственностью (Польша, Чехия) и с полным отсутствием государственности (серболужицане).

Обозначенный выше контекст нескольких немецкоязычных литератур, развивающихся на базе одного литературного языка и в то же время имеющих свою бесспорную и отнюдь не только государственными границами определяемую специфику, многие годы занимал диссертанта⁴ и в конечном итоге определил его позицию по отношению к исключительно важному моменту специфического развития серболужицкой литературы: оставляя в стороне вопрос о самостоятельности (или недостаточно лингвистически кодифицированной самостоятельности, позволяющей говорить лишь о двух наречиях одного языка, но не о двух языках) верхнелужицкого и нижнелужицкого литературных языков⁵, считать правомерным и необходимым раздельное изучение истории верхнелужицкой литературы и истории нижнелужицкой литературы – в силу слишком очевидных социокультурных различий в условиях развития этих литератур, обеспечивших не только асинхронность и стадияльное несовпадение этих литератур, но и целый ряд других специфических различий историко-литературного свойства (см. Раздел I), которые поддаются адекватному пониманию лишь в рамках своего собственного и раздельного для этих литератур контекста. При всей кажущейся парадоксальности данной проблемы для взгляда со стороны (а может ли такое

вообще быть, чтобы народ, насчитывающий всего 60 000 человек, имел два литературных языка и две истории литературы?) в историко-литературном плане дело обстоит именно так. Однако, это вовсе не означает, что серболужицкую литературу нельзя рассматривать в единстве, как единую систему, в которую на правах подчинения входят две подсистемы (верхнелужицкая литература и нижнелужицкая литература).

Более того, при ближайшем рассмотрении оказывается, что историко-литературный процесс в Верхней Лужице лишь в том случае поддается адекватному анализу и обретает четкий исторический контекст, если мы историю верхнелужицкой литературы рассматриваем как систему, состоящую из двух подсистем: литературы верхнелужицких католиков и литературы верхнелужицких протестантов, между которыми существовали не только взаимодействия, но и достаточно определенные и постоянно сказывавшиеся противоречия, обусловившие динамику этой литературы, постоянно действующие внутри нее центростремительные и центробежные силы. При том, что патриотически настроенные серболужицкие протестанты и католики всегда стремились к плодотворному диалогу историк литературы никак не может обойти тот факт, что Сербская Лужица вплоть до XX века была притягательным и “лакомым” полем, на котором остро сталкивались интересы католической и протестантской церкви, и в эти столкновения так или иначе, но в первую очередь вовлекалась серболужицкая интеллигенция, в большинстве своем состоявшая из протестантских и католических священников. Показательно уже то, что вплоть до XX в. история словесности и литературы в большинстве случаев собиралась и описывалась самими серболужичанами по отдельности – как история словесности серболужичан-католиков и серболужичан-протестантов. Эти различия религиозных мирозерцаний не стерлись и по сегодняшний день (в данном случае это – лишь констатация факта, но никоим образом не оценка)⁶. Поскольку Нижняя Лужица была целиком протестантской (по причине крайне жесткой политики ее прусских и бранденбургских правителей-протестантов), то контакты между Верхней и Нижней Лужицами захватывали прежде всего протестантов, которые говорили, однако, на разных диалектах.

Но и серболужицкие протестанты представляли собой далеко не монолитное единство. В XVII-XVIII вв. необычайно активную деятельность в серболужицкой протестантской среде развернули немецкие пиеисты, оказавшие серболужичанам трудно оценимую поддержку в деле публикации Библии и других религиозных книг, распространении образования и т.д., но в то же время расколовшие серболужицких протестантов на твердых лютеран и мистиков-пиеистов, что в свою очередь породило уже в XVIII в. достаточно обширную и острую публицистику и полемику; идейное противоборство здесь возникало уже не на национальной, а на конфессиональной основе. В отличие от противостояния серболужицких католиков и протестантов, где религиозно-идейные разногласия протекали, как правило, *внутри* единого национального

этноса, в дискуссии внутри самой протестантской среды в равной мере вовлекались *и немцы и серболужицане*, и велись эти дискуссии по большей части на немецком языке (и иначе быть не могло, потому что немцы за очень редким исключением серболужицких языков не знали). Таким образом, при желании можно выделить еще одну систему (протестантская среда в Верхней и Нижней Лужицах и ее литература) и подсистемы в ней, при анализе которых нельзя будет обойти обширную публицистическую и прочую литературу, созданную лужицкими лютеранами и пиетистами на немецком языке⁷.

Прежде чем перейти к обоснованию **методологии** исследования укажем лишь еще на одну проблему, которую необходимо учитывать и разрешать при поисках адекватной (предмету) методики исследования истории серболужицкой литературы. Поскольку вплоть до XX в. серболужицкая словесность и литература в своем основном массиве создавалась священниками (даже крупнейшие национальные классики были священниками: Гандрий Зейлер – протестантский пастор, Якуб Барт-Чишинский и Миклавш Андрицкий – католические священники), и лишь с XIX в. еще и учителями, то религиозная принадлежность серболужицких писателей позволяет *почти* безошибочно разграничить две тенденции в истории серболужицко-германских и серболужицко-славянских литературных и духовных взаимосвязей. Протестанты – в силу своего образования преимущественно в немецких университетах – гораздо лучше знали немецкую литературу и культуру, чем католики, основная масса которых училась в Праге. Этот тезис, разумеется, нельзя абсолютизировать, но также бесперспективно и игнорировать его. Поэтому идеи Просвещения, “бури и натиска” и романтизма (в обеих окрасках – протестантской и пиетистской, о чем никак нельзя забывать, анализируя, например, творчество Юрия Меня и его особый интерес к “Мессиаде” И.Г. Клопштока) проникали в Сербскую Лужицу из Германии и практически *почти синхронно* с их манифестациями в немецкой литературе. В том-то и состояла требующая к себе особого внимания *специфика* серболужицкой литературы, что славянская Сербская Лужица многие столетия находилась *внутри Германии* и серболужицане (несмотря на все имевшие место дискриминации и ограничения) были здесь дома, они здесь жили. Сербское проповедническое общество было основано в 1716 г. в Лейпцигском университете и стало мощным очагом немецко-серболужицких литературных взаимосвязей, самым плодотворным полем, на котором выросла *светская серболужицкая литература* и уже в 1760-е гг. (в поэтических поэма-манифестах Юрия Меня) были в основных чертах сформулированы цели и задачи национального возрождения; Лейпциг (Липск) стал и “родиной серболужицкого романтизма”⁸, где в национально-патриотическом, романтическом по своему духу и направлению кружке “Сорабия” (основан Г. Любенским и Б.А. Клином в 1814 г.) сформировался крупнейший верхнелужицкий романтик и основоположник серболужицкой национальной литературы Гандрий Зейлер (1804-1872).

Вторым крупнейшим центром серболужицко-немецких научных, идейных и литературных взаимодействий было в XVIII – начале XIX вв. Верхнелужицкое научное общество, основанное в 1779 г. в Гёрлице немцем Карлом Готтлибом фон Антоном (1751-1818) и серболужичанином Яном Горчанским (1722-1799), в рамках которого в 1782-1783 гг. были созданы (и опубликованы на немецком языке) важнейшие манифесты серболужицкого Просвещения, по существу провозглашавшие идеологию национального возрождения⁹. С немецкими революционными демократами И.К. Шубартом и Г. Форстером был прежде всего связан крупнейший серболужицкий ученый (и писатель), лейпцигский профессор Натанаэль Богумер Леска (1751-1786), представлявший радикальное направление в серболужицком Просвещении (Мужаковский кружок просветителей)¹⁰. Практически все книги Лески написаны и изданы по-немецки, но это не дает оснований изымать его из истории серболужицкой науки, культуры и литературы. Н.Б. Леска не порывал с национальным этносом, и проблематика большинства его трудов непосредственно связана с Сербской Лужицей, ее природой, бытом, сельским хозяйством и т.д. Как профессор немецкого университета (при этом нельзя забывать, что ни одного серболужицкого университета никогда не существовало) он вполне естественно использовал немецкий язык. Чтобы осознать серболужицкую специфику, необходимо четко понять не столь уж сложную вещь: серболужичане были частью населения Германии (Саксонии и Пруссии), а в Германии *единственным* официальным языком был немецкий язык; серболужицкие языки либо находились *под запретом* (и тогда запрещались, изымались и уничтожались книги и рукописи на серболужицких языках и диалектах, как это зачастую было в Нижней Лужице в XVII-XVIII вв. и в годы “третьего рейха”), проводилась целенаправленная политика онемечивания (в XIX в.¹¹), либо использование родного языка разрешалось с очень существенными ограничениями¹². Но если вспомнить, что использование родного языка было в Сербской Лужице занятием опасным (подпольным или полуподпольным), что за использование немецкого языка серболужичане поощрялись, а за использование родного языка, напротив, порицались (и это сказывалось на продвижении по службе), что за приверженность к родному языку священников и учителей (основных носителей *литературного* слоя культуры) могли либо лишить работы, либо выслать за пределы Сербской Лужицы (как это происходило еще в конце XIX - начале XX вв. со священниками Я. Бартом-Чишинским, М. Андрицким и многими другими серболужичанами), то станет ясно, что условия историко-литературного процесса в Сербской Лужице все же несопоставимы с условиями в Польше или Чехии. Если так называемую “пражскую немецкую литературу”, например, хотя она и создавалась в столице Чехии, может быть, и не обязательно рассматривать в *истории чешской литературы*, то использование серболужицкими писателями немецкого языка из-за полной невозможности печататься на родном языке и в интересах защиты родного языка и культуры является совершенно неотъемлемым фактором истории серболужицкой литературы. (Этот тезис

мы в дальнейшем обоснуем подробнее, он уже неоднократно звучал и в опубликованных работах, см. Список публикаций, № 1, 9, 13).

Вышесказанное отнюдь не означает какой-либо недооценки *славянского контекста* истории серболужицкой литературы. Опуская здесь начальные этапы взаимодействия серболужичан со славянским миром, напомним, что многие серболужичане начиная с XV в. оканчивали университеты в Кракове и Праге и достаточно рано осознали свою принадлежность к славянскому миру и свою неразрывную связь со славянскими языками и культурами. Наиболее яркое и непосредственное выражение эта ранняя идея славянской взаимности получила в “Письме Петру Первому” (1697) верхнелужицкого священника и писателя Михала Френцеля-старшего (1628-1706), отпечатанном на латинском и верхнелужицком языках и предназначенном для передачи русскому царю, проезжавшему через Саксонию. Письмо это любопытно и тем, что написано не от первого лица, а от “мы” (имелись в виду все серболужичане) и предполагало по сути своей возможность поисков каких-то контактов и взаимосвязей с могущественной тогда Россией, а, возможно, и какой-то поддержки от нее. В XVII-XVIII вв. и еще задолго до первых трудов И.Г. Гердера идеи славянской взаимности (но, естественно, безо всяких политических и идеологических акцентов, которые появились в XIX в.) многократно высказывались серболужицкими учеными и писателями. Общевропейский резонанс славистических трудов Абрагама Френцеля (1656-1740), к примеру, был в XVIII веке (и даже позже) настолько бесспорен, что через 100 лет после его смерти известный деятель серболужицкого национального возрождения Корла Август Мосак-Клосопольский писал: “Не подлежит сомнению, что наш лужицкий Френцель принадлежит к числу первых панславистов (do prěnich panslawistow), которые заложили современную славянскую филологию”¹³.

Для разработки понятия *славяно-германский контекст*, которое мы стремимся определить применительно к рассматриваемой тематике, весьма примечателен тот факт, что идею славянской взаимности (в оговоренном выше смысле) в XVI-XVIII вв. в Сербской Лужице разрабатывали исключительно протестанты; в XIX веке к разработке и пропаганде этой идеи все активнее стали подключаться и католики. Огромную роль здесь сыграла Серболужицкая семинария в Праге, основанная в 1706 г. Она постепенно превратилась в мощный связующий центр между Сербской Лужицей и Прагой. Будучи собственностью будишинского епископата, она была предназначена для подготовки католических священников (прежде всего серболужичан, но и немцев тоже), которые после завершающего этапа обучения в Пражском университете возвращались в Верхнюю Лужицу. Во главе семинарии, как правило, стоял наместник будишинского епископа, и таким образом связь с Будишином была постоянной. Значение Серболужицкой семинарии в различных сферах светской жизни и культуры Верхней Лужицы начинает резко возрастать после запрета ордена иезуитов в 1773 г. Но еще в 1763 г. профессором “изящных наук” в Пражском университете стал выходец из Верхней Лужицы немец Карл Генрих Зайбт

(1735-1806), ученик Геллерта и Готшеда, который первым стал читать свои лекции не на латинском языке, а по-немецки. Его внимательными слушателями были серболужицане Франц Юрий Лок (1751-1831, в 1801 г. он стал епископом в Будишине), Якуб Жур (1754-1799), Миклаш Якуб Фульк (1754-1829), а также чех Йозеф Добровский (1753-1829), составившие своеобразный просветительский кружок в рамках Серболужицкой семинарии, где Й. Добровский приобрел свои первые познания в верхнелужицком языке.

Ф.Ю. Лок, воспитанный в духе йозефинского Просвещения, не отвергавшего идеи веротерпимости, сыграл по сути ключевую роль не только в налаживании диалога между католиками, протестантами и протестантами-пиетистами в Верхней Лужице, но и вообще в организации и поддержке плодотворных культурных контактов между серболужицкими чехами и немцами. До самой своей смерти он активно поддерживал Серболужицкую семинарию в Праге (с 1801 г. она и официально подчинялась ему), по сути дела превратив ее в мощную кузницу кадров серболужицкого национального возрождения, славянской и славяно-германской взаимности. Уже с 1797 г. при его содействии Й. Добровский стал читать в Серболужицкой семинарии лекции по славистике¹⁴; в 1824 г. епископ Ф.Ю. Лок добился того, чтобы Серболужицкую семинарию возглавил чех Франтишек Пшихонский (1788-1859), активный сторонник и проводник идей известного чешского философа Бернардо Больцано (1781-1848), наиболее яркого продолжателя идей йозефинского Просвещения¹⁵. Ф. Пшихонский возглавлял Серболужицкую семинарию до 1839 г., последние 20 лет жизни от жил и работал в Будишине; опубликовал первую подробную историю Серболужицкой семинарии (1874) и полемический по отношению к философии И. Канта труд с изложением философского учения Б. Больцано (1850). Важнейшую роль в истории Серболужицкой семинарии и чешско-серболужицких взаимосвязей сыграл чешский поэт-романтик и ученый Вацлав Ганка (1791-1861), который после смерти Й. Добровского 30 лет преподавал здесь славистику, являясь в то же время проводником романтизма и идей славянской взаимности. Й. Добровский, Ф. Пшихонский и В. Ганка составляли своего рода стержень чешско-серболужицких взаимосвязей этого периода; их жизнь и судьба самым непосредственным образом оказались связанными с серболужицанами. Но этих связей на самом деле было гораздо больше: Ян Евангелиста Пуркине (1787-1869), Павел Йозеф Шафарик (1795-1861), Людовит Штур (1815-1856), Франтишек Ладислав Челаковский (1799-1852), Франтишек Палацкий (1798-1876) – и это еще далеко не полный список чехов и словаков, активно способствовавших не только собственному, но и серболужицкому национальному возрождению.

Огромный и методологически исключительно важный контекст серболужицко-чешско-словацких взаимодействий на *втором этапе* национального возрождения¹⁶ – (1814-1841) нуждается, безусловно, в дальнейшем изучении, несмотря на исключительно ценные работы А. Черного,

Й. Паты, Л. Кубы, А. Фринты, Вл. Змешкала, Яна Петра (1931-1989), Зденека Богача (род. в 1933 г.) и многих других¹⁷. Сквозь все изобилие собранных и описанных фактов не всегда отчетливо проступает важная мысль о том, что в этих разнообразных взаимоотношениях серболужицане были не только берущей, но и дающей стороной – начиная с деятельности уже упомянутого Ф.Ю. Лока. Но при учете особой функции славянско-германского контекста в истории серболужицкой культуры оказывается, что Ф.Ю. Лок сыграл совершенно уникальную роль¹⁸, а именно: с начала 1790-х гг. он был посредником между серболужицанами и чехами, между серболужицанами и немцами, между католиками, протестантами и пиетистами, между католической и протестантской ветвями Просвещения, способствуя при этом если не сближению, то хотя бы плодотворному научному и культурному диалогу наиболее просвещенных и лояльных их представителей. Особо важное для серболужицкой культуры значение (помимо теснейших контактов Ф.Ю. Лока с чехами) имело постоянное сотрудничество влиятельного католического священника с К.Г. Антоном и возглавлявшимся им Верхнелужицким научным обществом. Начало этого сотрудничества датируется по крайней мере 1791-м годом, и продолжалось оно до самой смерти епископа. Официальным членом Верхнелужицкого научного общества епископ Ф.Ю. Лок стал только в 1824 г., но как недвусмысленно свидетельствует опубликованное Р. Килянком обширное письмо Ф.Ю. Лока (1791) к К.Г. Антону, католический священник понял, что его просветительские цели по многим позициям совпадают с задачами протестанта-пиетиста К.Г. Антона, и между ними завязывается плодотворное сотрудничество, в котором самое активное участие приняли чехи¹⁹ и которое принесло неоценимые результаты делу национального возрождения в Верхней Лужице.

Просветительская деятельность Ф.Ю. Лока и его помощников развернулась по нескольким направлениям, в основе которых лежало разностороннее реформирование и модернизация школьного дела и образования: он содействовал открытию новых школ с изучением родного языка, заботился о совершенствовании учеников (в том числе и молитвенников), о подготовке и совершенствовании кадров священников и учителей. Заботясь о высоком уровне подготовки в Серболужицкой семинарии в Праге, Ф.Ю. Лок в рамках йозефинского религиозного Просвещения решал важнейшую задачу: стремился наладить творческий контакт различных конфессий, прежде всего католиков и протестантов, что было достижимо лишь с высокообразованными священниками, открытыми для восприятия новых идей и в то же время патриотов, для которых благо родного народа дороже конфессиональных различий. Сам Ф.Ю. Лок, например, активно поддерживал молодого протестанта Г. Зейлера, содействовал ему в получении стипендии для учебы в Лейпцигском университете. Стремительное духовное развитие Гандрия Зейлера, к 25 годам превратившегося из деревенского мальчишки в крупнейшего национального поэта Сербской Лужицы, выразителя самых глубоких и органичных черт

народного мироощущения, нельзя просто “списать” на его талант и характер. Талантливые люди рождаются во все времена, но лишь особое сочетание внешних и внутренних обстоятельств, объективных и субъективных предпосылок, национальных потребностей и благоприятных интернациональных импульсов способно породить действительно великого национального поэта. Всю эту сумму обстоятельств, предпосылок, потребностей и импульсов автор обозначает вполне традиционным понятием **контекст**, уточняя и конкретизируя это понятие в соответствии с той необходимостью, которую диктовал в данном случае сам предмет исследования: определение специфики серболоужицкой литературы и – в соответствии с этим – основных этапов ее развития.

В определении и раскрытии специфики славяно-германского контекста серболоужицкой литературы, конкретных черт его постоянства и в то же время изменчивости в ходе историко-литературного процесса обнаруживается **новаторство** исследования, его вклад в изучение означенной проблематики. Структура данного доклада, состоящего из Введения, трех разделов, примечаний и Списка публикаций по теме диссертации, обусловлена задачей автора: по возможности полнее и отчетливее раскрыть позитивное содержание предлагаемого им **историко-контекстуального подхода** применительно к истории серболоужицкой литературы, а также к истории так называемых “малых” литератур, где названный подход (или метод), на наш взгляд, не только плодотворен, но и неизбежен после накопления наукой необходимого эмпирического материала. Автор убежден также, что данный подход (или метод) может быть весьма плодотворен и при изучении так называемых “средних” (болгарская, чешская) и “крупных” (французская, английская, немецкая, русская) литератур²⁰ – при условии, конечно, его дальнейшего совершенствования.

Раздел I. Историко-контекстуальный подход к истории серболоужицкой литературы и его обоснование на примерах истории серболоужицкой литературы

Всякая национальная литература создается и развивается в обширном историко-культурном контексте – природно-космическом, национальном, региональном и мировом. Все эти контексты, постоянно изменяясь и взаимодействуя, так или иначе сохраняют свое присутствие на протяжении всей обозримой истории, определяя изменчивость форм конкретной общественной реальности и многоярусно пронизывающей ее человеческой культуры. Литература, по сути представляющая собой определенную историческую стадию развития языка (устного и письменного) и немислимая вне предоставленных языком способов коммуникации, являет собой сложнейший многофункциональный общественный механизм, в котором изначально господствует *коммуникативная* функция – какие бы оттенки эта функция на протяжении доступной наблюдению истории ни принимала. Напомним, что

эстетическая коммуникативная функция литературы – сравнительно поздняя и – при трезвом взгляде – едва ли самая важная из тех функций, которые ей приходилось и приходится выполнять в контекстуально развивающемся человеческом сообществе.

Рассмотрим в этой связи лишь один конкретный пример, весьма принципиальный для нашего исследования. У истоков серболоужицкой национальной литературы светского этапа ее развития истории литературы ставят поэму Юрия Меня “Серболоужицкого языка возможности и восхваление их в поэтической песне” (1767), которая была инспирирована “Мессиадой” Ф.Г. Клопштока²¹. Параллельно с работой над своей поэмой Ю. Мень трудился и непосредственно над переводом “Мессиады” на верхнелужицкий язык: идейный и идеологический манифест национального самосознания и национальной литературы требовалось подтвердить еще и наглядным примером, доказывающим, что лексические, стилистические и другие возможности верхнелужицкого языка не уступают таким же возможностям немецкого языка. В “Предисловии переводчика”, датированном 1775 г., Ю. Мень обосновывает свои переводческие принципы (перевод, чтобы вызвать меньше возможных упреков в отдалении от оригинала, должен быть точным, сегодня мы бы сказали “буквалистским”) и идейно-идеологические мотивы, побудившие его взяться за нелегкий труд: “Поскольку серболоужицкий язык продолжают обвинять в бедности, приземленности и негибкости, я видел свою задачу хотя бы в частичном отведении этих упреков и хотел показать возможности и гибкость нашего языка на каком-то примере. Но чтобы мне не сказали, что я лишь утверждаю желаемое, мой пример должен был стать переводом. Это должен был быть перевод какого-то трудного произведения, обладающего как богатством языка, так и гибкостью выражения; чтобы представить все это наглядно, я должен был выбрать поэтическое произведение. Поскольку, по общему мнению, “Мессиада” Клопштока – это самое возвышенное и величественное эпическое произведение, которое есть сейчас у нас, немцев, то, думаю, не ошибусь, взяв именно его”²². Прочитанное предисловие, да и все беспримерное (в том смысле, что мы не обнаружили пока аналогичных примеров в других литературах) предприятие Юрия Меня, успешно продолженное затем его сыном, крупным и пока еще не исследованным поэтом Рудольфом Менем (1776-1861), дают возможность наглядно проиллюстрировать и обосновать специфику историко-контекстуального подхода²³.

Поэма Ю. Меня и его перевод “Мессиады” написаны по-верхнелужицки и, следовательно, обращены к национальной (серболоужицкой) аудитории; поэма пронизана национально-патриотическим духом, стремится внушить гордость достоинствами родного языка и пробудить к новым практическим деяниям во славу этого языка. Перевод Клопштока в данном контексте – всего лишь дополнительный аргумент для сомневающихся: если вас не убеждает оригинальная поэма, то сравните перевод с оригиналом и попробуйте тогда еще сомневаться! Но предисловие к переводу “Мессиады” написано *по-немецки*

и лишь отчасти обращено к немцам (которые, по-видимому, прежде всего и недооценивают серболужицкий язык). Учитывая, что немцы никак не могли оценить литературные достоинства перевода (поскольку и в те времена, как и сейчас, не говорили и не читали по-серболужицки), приходится признать, что немецкое предисловие обращено все же к культурной прослойке самих серболужичан, которые, живя в Германии и обучаясь в немецких школах (других просто не было) и преимущественно в немецких университетах, всегда были двуязычными. Но поскольку это предисловие все же написано по-немецки (а такой тонкий знаток родного языка, как Ю. Мень, разумеется, мог бы вполне изящно написать его по-верхнелужицки), то приходится с полной уверенностью предположить и то, что это предисловие (а отчасти и перевод) было обращено также и к сравнительно представительной в то время группе немецких просветителей-пиетистов и просто просвещенных, не обремененных национальной и прочей нетерпимостью немцев, которые могли и должны были способствовать устранению национальных и прочих предрассудков на территориях смешанного проживания немцев и серболужичан. Мало возможностей для дискуссий дает и формулировка Ю. Мень о том, что “Мессиада” Клопштока – “самое возвышенное и величественное эпическое произведение, которое есть сейчас у нас, немцев...”. Совершенно прав в своей интерпретации этого места З. Брезан: “Возможной представляется лишь одна интерпретация, а именно: Мень воспринимал возникшую за столетия совместной жизни культурную взаимосвязь как данность. Демонстрируя эту связь, он протестовал против действий различных вышестоящих инстанций, нацеленных на то, чтобы оклеветать национальную инакость (*Andersartigkeit*) и своеобразие языка серболужицкого народа и по возможности искоренить его”²⁴. То есть, образованный серболужичанин во второй половине XVIII в. *одновременно* ощущал себя как серболужичанин (и по родственности языков и исторического происхождения как *славянин*, и это последнее ощущение усиливалось с 1820-х гг. по мере усиления воздействия идей национального возрождения) и как *немец* (в силу многовекового проживания на совместной территории, разнообразных ежедневных контактов и гражданской приписанности к немецким государствам: Саксония, Пруссия, с 1871 г. Германия). Это сформировало своеобразный *дуализм сознания*, который проявлялся, разумеется, в разные эпохи по-разному, но присутствовал всегда.

Ускользавшая от славянофилов (и вообще от подавляющего большинства славистов) *двойственность мироощущения* серболужичан (которая могла принимать различные формы и оттенки в ходе историко-культурного процесса (от “раздвоенности” до органического “синтеза”) наиболее очевидно сказывалась в том, что они научились совершенно органично (момент тактического “лукавства” можно исследовать конкретно, по отдельным личностям²⁵) вести себя как славяне со славянами и как немцы с немцами. Причем речь идет не об отдельных “особях” (такие “особи” есть в любом народе), а о *народной психологии в целом*. А это и есть важнейший элемент того

исторического контекста, понимание которого совершенно необходимо для написания современной научной истории серболужицкой литературы, которая может быть написана только специалистом, являющимся *в равной мере славистом и германистом*, причем просто хорошего знания немецкого языка для этой цели совершенно недостаточно.

Взаимодействие серболужицкой и немецкой культур никогда не было формальным, оно никоим образом также не укладывается и в привычные категории “влиятельный”, “заимствований”, “типологических схождений и расхождений” и прочие, которыми мы обычно пользуемся при анализе взаимодействий двух или нескольких литератур. Поскольку серболужицкий писатель чувствовал себя серболужичанином и немцем, то он пользовался обоими языками, и тот и другой (серболужицкий и немецкий) считая своей *национальной* принадлежностью. Расхождения в пропорциях использования обоих языков, разумеется, в истории прослеживаются (хотя никто специально этой проблемой не занимался, потому что научное осознание ее стало обнаруживаться лишь в самые последние годы – до того весь вопрос однозначно сводился к “онемечиванию”²⁶), пропорции эти менялись от века к веку – когда, например, пространство письменной речи в Сербской Лужице оказывалось уже почти совершенно заполненным немецким языком или, напротив, создавались вполне благоприятные условия для серболужицкой письменности и печатной продукции (например, на заключительном этапе национального возрождения с 1840-х гг. до начала XX в.; в годы Веймарской Республики; после 1945 г.)²⁷.

Историко-контекстуальный подход к исследованию феномена серболужицкой литературы вырос из необходимости постоянного учета огромной роли внелитературных факторов, вторгавшихся в культурную жизнь Сербской Лужицы не столько изнутри, сколько извне, навязывавших органическому саморазвитию народа свои достаточно жесткие “правила игры”. Если бы региональный контекст развития серболужицкой культуры оставался на протяжении истории однозначно негативным, то давно бы уже осуществились прогнозы М. Лютера (да и многих славистов²⁸). Но этот контекст был всегда подвижным и изменчивым; он никогда не был “мертвым”, застывшим; серболужицкое национальное самосознание и возникавшая из его недр литература формировались в живом – и, как все живое, противоречивом – историко-культурном контексте, сами были неотъемлемой частью этого меняющегося контекста, охотно вбирали и перерабатывали все позитивное, что он предоставлял, и стремились отвергнуть или хотя бы нейтрализовать все негативное, на что он также не скупился.

Основная и решающая особенность серболужицкого историко-культурного контекста совершенно очевидна; на долю серболужичан выпала историческая судьба (или случайность, переросшая в миссию) остаться единственным уцелевшим славянским арьергардом на территории Германии, еще в средние века населенной многочисленными славянскими племенами, следы которых простираются далеко за пределы Сербской Лужицы (и даже за пределы бывшей

ГДР)²⁹. Начиная с первых упоминаний в хрониках (Псевдо-Фредегар, 631-632 гг.) и до сегодняшних дней серболужицане *всегда* находились в тесных и непосредственных контактах как с германским, так и со славянским миром.

Постоянно менявшаяся территориальная и государственная принадлежность Сербской Лужицы, теперь уже детально изученная³⁰, хотя сама по себе важна и интересна, принципиально этой общей картины не меняет. Если затруднялись или прерывались одни каналы культурных взаимосвязей, то тут же появлялись другие. Но *акценты* в этом постоянном для серболужицкой истории славянско-германском контексте постоянно менялись и смешались, и это лишь в малой степени и далеко не всегда зависело от самих серболужичан (например, когда Наполеон в 1806 г., желая ослабить Пруссию, передал всю Сербскую Лужицу [95%] под власть Саксонии; или, наоборот, когда после Венского конгресса [1815] 80% серболужичан оказались прусскими подданными). Но от самих серболужичан в полной мере зависело, **как** они приспосабливались к этому постоянно меняющемуся контексту и **как** они осознавали и использовали открывавшиеся в новом контексте возможности. Инстинкт самосохранения малочисленного народа, уже в XI веке завершившего стадию героического вооруженного сопротивления своим более многочисленным и сильным соседям (как германцам, так и славянам, но и венграм тоже), подсказывал необходимость выработки какой-то иной стратегии и тактики национального выживания, чем прямой бунт и восстание. Поэтому вооруженные восстания и бунты в дальнейшей серболужицкой истории – явление скорее исключительное, ибо подобная форма борьбы скоро привела бы просто к физическому истреблению остатков этноса, но не к его укреплению³¹. На протяжении своей многострадальной истории серболужичане постепенно выработали особый инстинкт национального самосохранения, направлявший их не столько в сферу внешней социальной и политической активности, сколько в сферу собирания, сбережения и накопления внутреннего духовного опыта, который функционировал и совершенствовался в неразрывном и по-своему уникальном единстве народа и его немногочисленной интеллигенции. Уникальность *национального контекста* серболужицкой культуры состоит и в том, что между высшей духовной элитой народа, его так сказать идеологами, не было никаких посредников – лучшие представители серболужицкой интеллигенции, крупнейшие писатели жили и работали, как правило, в тех же самых деревнях, где жили и трудились серболужицкие крестьяне; они встречались и говорили с ними ежедневно: в качестве сельских священников и учителей, которые в материальном отношении нередко жили хуже своих прихожан (ведь никаких *литературных доходов* они никогда не имели, эти доходы *впервые* появились у серболужицких писателей только в ГДР)³².

Серболужицкий национальный этнокультурный контекст уже со Средних веков был “прозрачным”, разомкнутым, всегда открытым для общения с соседями, и – хотя это случилось не по собственной воле, – именно эта

открытость, способность лояльно сосуществовать в исторически чуждом этническом окружении и “переваривать” это окружение, не теряя полностью своей национальной субстанции и этнически унаследованного языка³³, составляют специфически национальный феномен серболужицкого народа. Этот феномен включает в себя не только *открытость* и “прозрачность” национального культурного ландшафта (вся маленькая Сербская Лужица – это огромное “пограничье”, даже в крупнейшем историческом центре серболужичан, Будишине [Баутцене], уже и в Средние века проживало больше немцев, чем серболужичан), но и совершенно очевидную *закрытость*, умение веками беречь и сохранять собственную традицию, творчески развивая и обогащая ее в сложном контексте славянско-германских противоборств и славянско-германской взаимности.

Оба эти качества этноса отчетливо сказались на истории серболужицкой культуры и по сей день определяют основное качество серболужицкой литературы, где легко прослеживается “всемирная отзывчивость” (Ф.М. Достоевский) – и подобные произведения часто (но, разумеется, не всегда) пишутся на немецком языке (поэмы и пьесы Х. Тары в XVII в.; философские трактаты Я. Горчанского в XVIII в.; “педагогические романы” Д.Б. Глована, и мемуары Р. Меня в XIX в.; многие произведения Ю. Брезана, Ю. Коха, К. Лоренца, А. Стаховой и т.д. в XX в.) – но и затаенная углубленность, никоим образом не связанная со стремлением найти какой-то удобный или облегченный путь к читателю (творчество Ханзо Непилы на рубеже XVIII-XIX вв.; эпические поэмы Ф.К. Стемпеля в XIX в.; философская поэма-роман “Остров забытых” Я. Лоренца-Залеского в XX в. и т.д. – все это как правило, на верхнелужицком или нижнелужицком языках, а то и на родных для автора диалектах³⁴). Но специфика серболужицкого национального контекста заключается еще и в том, что в своей открытой и “прозрачной” части он активно вбирал в себя как черты “немецкости” (язык, литература и культура в широком смысле), так и – в благоприятные периоды – черты “славянскости” (через постоянные контакты с чехами, поляками, словаками, но и словенцами тоже, чьи контакты с немцами и серболужичанами были достаточно тесными; затем уже идет Россия и Украина). Причем освоение отдельных черт немецкой и славянских культур было достаточно органичным, потому что результаты этой взаимности прививались к собственному стволу, который отнюдь не терял при этом своей отчетливо национальной окраски.

Тем самым мы затронули уже и проблему *регионального контекста*, который для серболужичан на протяжении обозримой истории оставался почти исключительно славянско-германским. Необходимо только расставить некоторые акценты, которые в данном случае представляют собой лишь рабочие гипотезы. Основное различие национального и регионального контекстов в том, что при изучении той или иной литературы в национальном контексте мы учитываем региональную специфику (то есть развитие соседних стран и народов) лишь в той мере, в какой она влияла на *непосредственное* развитие

изучаемой нами литературы по тем результатам, которые предстают перед нами в виде произведений национальной литературы и письменно зафиксированных свидетельств текущей литературной жизни. Разумеется, речь идет не о проведении каких-то строгих границ, но лишь о расстановке акцентов. При изучении литературы в национальном контексте исследователь должен знать по возможности *все* об этой литературе, а из регионального контекста только самое необходимое, помогающее объяснить или оттенить национальную специфику изучаемой в национальном контексте литературы. Сравнительное литературоведение возникло в Германии как вспомогательная наука, которая должна была методом сравнения отдельных литератур выявлять черты своеобразия национальной литературы³⁵. В этой своей функции оно во многих случаях продолжает существовать и до сих пор, и подобные работы при необходимости можно было бы классифицировать как сравнительное литературоведение в национальном контексте³⁶. Изучение же национальной литературы в региональном контексте требует перехода на *качественно иной уровень*: исследователь должен по возможности в равной степени хорошо владеть фактическим историко-литературным материалом всего окружающего исследуемую им литературу *историко-культурного ареала* и, опираясь на все это добытое по первоисточникам знание, описывать историю исследуемой им национальной литературы. Разумеется, результаты двух исследований одной и той же литературы, но написанных в одном случае с позиций национального, а в другом случае с позиций регионального подходов, будут заметно отличаться друг от друга и в общем, и в частностях. Так, кажется, история словенской литературы может получить более объемное и адекватное раскрытие своего национального феномена, если будет глубже изучена в региональном словенско-немецко-австрийском контексте³⁷. То же можно, по-видимому, сказать об истории чешской и венгерской литератур, в которых многое проясняется глубже на уровне регионального контекста: венгерско-австрийско-немецкого³⁸ и чешско-австрийско-немецкого³⁹. Но в данном докладе мы проиллюстрируем это примером из истории серболужицкой литературы.

Крупнейший нижнелужицкий писатель XVII в. Хандрош Тара (ок. 1570 - ок. 1638) оставил произведения на латинском и немецком языках и на ныне вымершем восточно-нижнелужицком сторковском (мужаковском) диалекте с большими вкраплениями западно-нижнелужицких говоров. Из немногих достоверных и сохранившихся источников известно, что начиная со времени учебы в университете Франкфурта-на-Одере в 1588 г. (где он выучил польский язык и организовал обучение нижнелужицкому наречию среди студентов-славян) он всю свою жизнь и всеми доступными ему средствами боролся за возрождение родного языка (существовавшего тогда лишь в формах отдельных и заметно различавшихся диалектов), стараясь всячески утвердить его как язык церкви и школы⁴⁰. В 1595 г. он подготовил обстоятельный обзор серболужицких диалектов для бранденбургского курфюрста и некоторое время был при нем чем-то вроде консультанта по национальным вопросам (а процент

славянского населения в Бранденбурге был тогда весьма значительным) и переводчиком с польского языка и серболужицких наречий. Используя образовавшиеся связи и некоторый авторитет в университетах и при дворе, Тара составляет далеко идущие планы по распространению изучения серболужицких наречий, составлению словарей, грамматик, богослужебных книг и учебников. Некоторые из этих рукописей на нижнелужицком языке были подготовлены им к печати (сборник проповедей, грамматика нижнелужицкого языка, “Словарь серболужицкого языка в Буххольце и его окрестностях” и др.), о чем сохранились свидетельства в обширных прошениях на имя бранденбургского курфюрста. Не расписывая здесь драматическую историю борьбы Х. Тары за восстановление в элементарных правах нижнелужицкого языка⁴¹, напомним, что из всего его обширного наследия на нижнелужицком наречии до наших дней дошла лишь одна опубликованная книга с витиевато-барочным названием “Enchiridion Vahdalicum, то есть “Малый катехизис” Лютера, при этом многие прекрасные и необходимые молитвы и псалмы, предупреждения и напоминания для венчания и крещения. То, что в высшей степени необходимо знать простым христианам и особенно молодежи в лужицких деревнях, для лужицких церковных служителей, чтобы они в подходящее время могли прочесть все нужное для молодежи. Все переведено с немецкого языка на лужицкий, и всему предпослано краткое наставление, как следует правильно читать, писать и говорить по-лужицки, исполнено Андреа Тарой из Мускау, священником во Фриденсдорфе” (Франкфурт-на-Одере, 1610). Единственный экземпляр этой книги был обнаружен М. Горником в 1869 г., и с тех пор началось постепенное лингвистическое и литературоведческое освоение этого уникального памятника (О. Вичаз, Ф. Метшк, Р. Енч, Х. Шустер-Шевц, К. Лоренц и др.). Весь остальной тираж книги, как и другие труды А. Тары на нижнелужицком наречии, видимо, были уничтожены вместе со многими другими памятниками нижнелужицкой письменности в 1666-1669 гг., когда по жестким указам и инструкциям бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма планомерно уничтожалась нижнелужицкая письменность и искоренялся нижнелужицкий язык.

Но в 1897 г. немецкий историк культуры Й. Больте, разбирая прусские архивы, обнаружил целый ряд документов, связанных с Х. Тарой, а, главное, две опубликованные на немецком языке книги: оригинальную эпическую поэму “Скорбная жалоба...” (1609) и стихотворную комедию “Женское зеркало” (Эрфурт, 1628). Как выяснил Й. Больте, “Скорбная жалоба” на немецком языке несколько раз переиздавалась и вошла неотъемлемой составной частью в историю немецкой литературы [следы ее чувствуются даже в “Симплициусе Симплициссимусе” (1669) К. фон Гриммельсгаузена]. В отдельных эпизодах и сюжетах поэмы нельзя не отметить знакомство Х. Тары с традициями животного эпоса (“Рейнеке-лис”, например) и с богатейшей средневековой традицией фавлио и немецких шванков, а также с широко распространенной в эпоху позднего Средневековья дидактической бюргерской поэзией, включая и аллегорические жанры. Из непосредственных предшественников “Скорбная

жалоба” ближе всего соотносится с традициями Ганса Сакса (1494-1576). Что же касается замысла в целом и художественной специфики его исполнения, то совершенно прав К. Лоренц, утверждающий, что содержание своего эпоса Х. Тара “черпал из серболужицких фольклорных мотивов и национальных традиций”⁴². Нам не известно пока ни одного литературоведческого анализа “Скорбной жалобы” (есть лишь отдельные наблюдения и замечания Й. Больте, Р. Енча, К. Лоренца и др.). Композиционно “Скорбная жалоба” состоит из 20 причитаний ячменя и 38 “жалоб” льна. То есть перед нами своеобразный диалог, некое подобие драмы, в которой действующие лица “ячмень” и “лен”. В каждом из 58 монологов (многие из этих монологов можно назвать *стихотворными новеллами*) наглядно и подробно, с использованием элементов социальной критики, юмора и сатиры излагается процесс изготовления бумаги, полотна, пива, хлеба и др. из ячменя и льна или из произведенных уже из них продуктов, причем излагается все это не с позиций человека, производящего полотно и пиво, но так, как одушевленные ячмень и лен могли бы описывать свои ощущения и мучения во время производимых над ними операций; попутно “ячмень” и “лен” рассуждают на самые различные житейские и философские темы. Художественная оригинальность этого произведения, неразрывно связанного как с немецким, так и серболужицким национальными контекстами и в то же время никак не укладывающегося ни в один из них, состоит в том, что характерные жанровые черты дидактической и сатирической шванковой “жалобы” своеобразно накладываются на лужицкие исторические, социальные, этнографические и бытовые реалии, поданные реалистически конкретно, с точным обозначением местности и реально существовавших людей (на некоторые из этих реалий указал еще Й. Больте). Немецкая литература, принявшая в себя “Скорбную жалобу” как произведение на немецком языке и по-своему оценившая его (об этом свидетельствуют переиздания), все же так и не приняла его органически как часть собственной национальной литературы (из-за чуждых фольклорных мотивов, совершенно иной национальной традиции и – как ни расплывчато это понятие, но все же – из-за отчетливо проглядывающего в родном немецком одеянии чужого национального менталитета). Поэтому для немецкого литературоведения “Скорбная жалоба” так и осталась “на обочине” [в самом деле: гораздо проще изучить произведение иностранной литературы, для этого и термин давно есть (“диалог культур”), чем разбираться с такой непонятной “солянкой”, как “Скорбная жалоба”]. Но на обочине она остается пока и для серболужицкого литературоведения, – здесь дополнительной препоной оказывается еще и немецкий язык: легитимно ли рассматривать литературные памятники, созданные серболужичанами на немецком языке (с латынью уже, кажется, вопрос решен положительно), как неотъемлемую составную часть истории серболужицкой литературы?

Если подойти к “Скорбной жалобе” Х. Тары с точки зрения историко-контекстуального подхода, то выяснится следующее. “Скорбная жалоба” – неотъемлемая часть как серболужицкой, так и немецкой национальных

литератур. Но рассмотрение “Скорбной жалобы” в каждом из названных национальных литературных контекстов неизбежно будет иметь свою специфику и оба этих контекста никогда не будут идентичны друг другу, – как бы ни стремились исследователи немецкой и серболужицкой литератур к адекватному истолкованию этого произведения. Й. Больте, например, рассматривая “Скорбную жалобу” в контексте немецкой литературы, причисляет его к “бранденбургской” литературной традиции, и читателю истории немецкой литературы, заинтересовавшемуся “Скорбной жалобой” Х. Тары, наверняка захочется узнать об этой “бранденбургской” традиции побольше, а затем понять место и роль “бранденбургской” традиции в кругу других многочисленных региональных традиций немецкой литературы, чтобы, наконец, все же уяснить, какой реальный вклад внес Х. Тара в немецкую литературу своей эпохи и какое место он может занимать в истории немецкой литературы в целом. Разумеется, для историка серболужицкой литературы на первом месте будут стоять совсем иные проблемы: отражение серболужицких фольклорных мотивов, обрядов, традиций; отражение национального мироощущения, национального характера, национального взгляда на современную писателю социальную действительность. Историк серболужицкой литературы, далее, будет оглядываться в поисках национальных литературных истоков творчества Х. Тары, будет вчитываться в каждую строчку сохранившихся латинских и нижнелужицких текстов писателя, в произведения его предшественников и современников в серболужицкой литературе – и так или иначе вынужден будет констатировать *выдающееся* место Х. Тары в истории серболужицкой литературы. Но в поисках соответствующего для Х. Тары контекста он обратится не только к немецкой литературе и не только к ее “бранденбургской” традиции, но не в меньшей степени заинтересует как верхнелужицкой, так и польской литературной традицией (и то, что Х.Тара некоторое время был переводчиком с польского, будет лишь дополнительным аргументом в этих поисках, ибо *нижнелужицко-польский контекст* существовал всегда и задолго до Болеслава Храброго⁴³). Из всего этого возникнет вполне объемный очерк литературного творчества Х. Тары в рамках истории серболужицкой литературы в национальном контексте (напоминаем: не в искусственно-изолированном от “чуждых” влияний, а именно в *реально* существовавшем национальном контексте). Каким же образом теперь Х. Тару – нижнелужицкого серболужицкого писателя объединить с Х. Тарой – немецким писателем? Ведь сам-то он все же развивался и жил в одном лице.

Разрешить это кажущееся противоречие (а мы взяли здесь лишь один пример из множества) можно лишь в рамках более широкого подхода, в рамках анализа историко-литературного процесса *в региональном контексте*, в котором реально жил и творил Х. Тара, вынужденный быть *серболужицким и немецким писателем одновременно*. Мы попытались на схеме⁴⁴ наглядно изобразить, как может выглядеть изучение “Скорбной жалобы” Х. Тары в серболужицко-немецко-польском (и при дальнейшем изучении, возможно, и чешском)

региональном литературном контексте. При этом необходимо подчеркнуть, что автор никоим образом не претендует на открытие чего-то *исключительно нового*; научные идеи об историко-литературных и историко-культурных особенностях историко-литературного процесса, о сравнительном, сравнительно-типологическом и стадийном изучении литератур дискутируются уже не одно десятилетие⁴⁵. Выдвигать и обосновывать некоторую специфику историко-контекстуального подхода нас заставили прежде всего те *особенности историко-культурного процесса* в Верхней и Нижней Лужицах, с которыми мы столкнулись при попытках написать историю серболужицкой литературы и которые оказались вне поля исследования во всех известных нам историях серболужицкой литературы, отечественных и зарубежных. После всех этих разъяснений концептуального характера, как автор надеется, понятнее будет краткий историографический обзор, основная цель которого – заострить внимание на нерешенных еще мировой литературоведческой сорабистикой проблемах. При этом следует сразу заметить, что в целом мы почти все работы оцениваем сугубо положительно, хотя бы потому, что сорабистикой преимущественно занимались либо крупные ученые, либо настоящие энтузиасты (зачастую и то и другое совмещалось).

В отечественной литературоведческой сорабистике (включая и сорабистику СССР) были созданы три этапных труда, каждый из которых достаточно ярко отражает источниковедческий уровень, умонастроения и ведущие тенденции своей эпохи: “Исторический очерк сербо-лужицкой литературы” (1844) И.И. Срезневского; глава о серболужицкой литературе А.Н. Пыпина в “Истории славянских литератур” (2-е изд., переработанное и дополненное. Т. 2. СПб., 1881); наконец, книга В.А. Моторного и К.К. Трофимовича “Серболужицкая литература. История. Современность. Взаимосвязи” (1987). Очерк И.И. Срезневского – первый в мировой славистике и сорабистике – отражает этап романтического синтеза наук, для большинства славянских народов еще и неразрывно связанный с идеями национального возрождения и славянской взаимности. Оценивая этот очерк сегодня, в первую очередь приходится отмечать его прозорливость, обусловленную романтической интуицией, сочетавшейся с беспредельной любовью к предмету описания и талантливо выказываемой личностью самого исследователя, и достигнутую масштабность изображения. Эта масштабность, утраченная затем А.Ф. Гильфердингом и даже А.Н. Пыпиным, сказалась в точно найденных пропорциях в оценке самой серболужицкой литературы в рамках европейской словесности и выдержавших испытание временем оценкам всех ведущих деятелей серболужицкой культуры, попавших в поле зрения И.И. Срезневского – как прошедших эпох (семейство Френцелей, Ю. Мень и др.), так и его современников или даже близких знакомых (Г. Любенский, Г. Зейлер, Б.А. Клиш, Я.А. Смолер и др.). Но этот очерк, написанный в начале 1840-х гг., затрагивая вопросы этногенеза и ранней истории западных славян, описывая пути развития серболужицких диалектов, специфику развития религиозной и светской словесности и т.д., не мог не отразить и уровень

самых разных наук своего времени – от археологии и фольклористики до языкознания и литературоведения, – которые все же за прошедшие 150 лет непрерывно развивались.

А.Н. Пыпин (заметно уступая в масштабе и концептуальности) значительно дополняет очерк И.И. Срезневского в источниковедческом плане: за 40 лет, отделяющих “Историю славянских литератур” от очерка И.И. Срезневского, источниковедческая база сорабистики стремительно пополнялась: напомним, что с 1842 г. открылся этап непрерывного существования верхнелужицкой прессы (с перерывом только в 1938-1945 гг.), в 1847 г. было основано национальное научное и культурно-просветительское общество Матица серболужицкая⁴⁶, и с 1848 г. стал выходить “Часопис Матицы серболужицкой”, регулярно публиковавший библиографические, историографические, лингвистические, биографические, и другие самые разнообразные материалы, включая также и тексты вновь обнаруженных или редких источников. С 1858 г. стали выходить и непосредственно литературные газеты и журналы. Весь этот огромный и в значительной степени новый материал А.Н. Пыпин по-своему блестяще систематизировал и описал – это описание и систематизация продолжают оставаться незаменимым отправным источником вплоть до наших дней. Но общий дух эпохи позитивизма, сказавшийся во многих чертах и на культурно-исторической школе, представленной А.Н. Пыпиным, почти не позволял выходов за пределы отчетливо видимого, доступного “ощупыванию” и непосредственному наблюдению, и поэтому не должно удивлять, что в полемике с “панславистскими романтиками 1830-40-х гг.” ученый приходит к совершенно ошибочному и не подтвердившемуся в дальнейшей истории выводу: “Эта литература осуждена оставаться элементарной, ограничиваться книжками первоначального обучения и для простонародного чтения”⁴⁷. Поэтому и сегодня еще поражает та виртуозность, с которой попытался обойти или по крайней мере косвенно дезавуировать этот нелестный финальный вывод маститого ученого его серболужицкий переводчик Я.Б. Пех, снабжая многочисленными примечаниями и дополнениями отдельное немецкое издание главы А.Н. Пыпина о серболужицкой литературе⁴⁸.

Более ста лет прошло от очерка истории серболужицкой словесности А.Н. Пыпина до выхода следующего систематического труда на русском языке, уже упомянутой монографии В.А. Моторного и К.К. Трофимовича. Поскольку положительные стороны этой книги были подчеркнуты автором в специальной рецензии на нее⁴⁹, то здесь есть смысл выделить ее проблематичные стороны, касающиеся прежде всего самой методологии современного литературоведческого подхода к истории национальной литературы вообще и к истории серболужицкой литературы в частности. Начнем как раз с частных. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что современный историк национальной литературы – именно в силу интенсивного развития литературоведения за прошедшие 100 лет – уже не может ставить знак равенства между историей словесности и историей художественной литературы (что имело место – и на

том этапе науки вполне правомерно – в очерках серболоужицкой литературы И.И. Срезневского и А.Н. Пыпина). При всем том, что на определенных этапах истории национальной литературы эти понятия (словесность и литература) *совпадают* (или *почти совпадают*), для современного историка литературы непреложным является хотя бы *один критерий* их разграничения: в художественной литературе на самых ранних ее этапах (уже в фольклоре) появляется новая функция, не являющаяся непременным условием для словесности как таковой: *функция эстетической коммуникации*. При том, что эта функция – в силу ее исторической подвижности в процессе неизбежной смены форм исторического бытия народа – меньше всего поддается однозначному теоретическому определению, современный историк литературы не может именоваться *литературоведом*, если он не способен хотя бы в рамках изучаемой им национальной литературы, разглядеть и проанализировать в описываемых им произведениях *историческое развитие эстетических возможностей литературы*, не смешивая при этом развитие функции эстетической коммуникации со всеми другими коммуникативными функциями, которые несла и продолжает нести литература: познавательная, идеологическая, морально-нравственная, философская и так далее⁵⁰. Вышеназванный момент исторического становления и развития эстетической коммуникативной функции серболоужицкой литературы был фактически полностью проигнорирован в монографии В.А. Моторного и К.К.Трофимовича. Но здесь ограничимся лишь некоторыми наблюдениями. История серболоужицкой литературы от истоков и до конца XIX века (включая и эпоху национального возрождения) занимает в названной книге 59 страниц (с. 14-72) и столько же занимает описание ее развития в 1945-1985 г. (с. 144-202). Целое тысячелетие в истории национальной литературы оказывается в объеме всей книги строго “уравновешенным” сорока годами ее развития после второй мировой войны. Сколько бы ни придумывать объяснений и оправданий названному “уравновешиванию”, анализ данной книги в конечном итоге упрется в *отсутствие осознанных эстетических критериев* при отборе и обработке наличного материала словесности и литературы. Но даже если взглянуть на означенное “уравновешивание” с точки зрения общественно-коммуникативной и идеологически-коммуникативной функций литературы, то и в этом случае оно окажется неправомерным. Если до конца XIX века почти каждая серболоужицкая книга (особенно художественное произведение) была очень часто *героическим актом* национального самоутверждения, то в период 1945-1985 гг. эту высокую *национально-героическую функцию* (мы напоминаем, что говорим здесь о литературе серболоужицкого народа, которому 500 лет предрекали скорую “кончину”) серболоужицкая литература во многом утратила. Подлинный *драматизм общественно-политической и культурной ситуации в Сербской Лужице после 1945 г.* сказался прежде всего в том, что огромный ущерб, нанесенный в годы “третьего рейха” серболоужицкому этносу (прежде всего полный запрет на всякие формы общественного проявления национально-культурной жизни; закрытие

прессе и книгоиздания на серболужицких языках есть только одна из этих форм), оказался настолько значительным, что для его компенсации было явно недостаточно официального выравнивания гражданских прав серболужичан и немцев, открытия национальных школ и функционирования национальной прессы. Высокое самосознание серболужицкого национального этноса всегда поддерживалось духовным единством немногочисленной серболужицкой интеллигенции с народом, можно даже сказать, что это единство в значительной степени способствовало и сохранению самого этноса, не говоря уже обо всех важнейших достижениях в сфере духовной культуры. После 1945 г. это единство было, кажется, впервые в серболужицкой истории расколото. То, что не удалось идеологам “третьего рейха”, удалось, наконец, партийным функционерам СЕПГ. Даже заслуженные серболужичане-антифашисты (П. Недо, Я. Цыж и др.), в тех или иных формах пытавшиеся отстаивать специфические *национальные интересы* серболужицкого народа, были постепенно отстранены от своих постов, в результате чего Домовина превратилась из организации, представляющей национальные интересы серболужичан, в орган, безоговорочно проводящий “мудрую” политику СЕПГ. Раскол, соответственно, прошел по всей интеллигенции, коснувшись и всего народа, что в числе целого ряда других причин (уничтожение в ГДР многих серболужицких деревень при добыче бурого угля “открытым” способом и т.д.) заметно ускорило процессы ассимиляции серболужицкого этноса. Серболужицкая литература (естественно, в лице отдельных писателей) заговорила об этом в полный голос уже с 1960-х гг. (Ю. Кох, К. Лоренц, А. Стахова и др.). Не случайно серболужицкие писатели стали ведущими представителями “экологической” и “деревенской” темы в литературе ГДР. Тематика экологии природы нередко перерастала в их творчестве в экзистенциально-философскую проблематику *экологии серболужицкого народа* (наиболее отчетливо в творчестве Ю. Коха и К. Лоренца), что придавало их произведениям масштабность даже в рамках европейской литературы в целом.

Но даже и подобного – социологического – анализа историко-литературного процесса в Сербской Лужице после 1945 г. мы в названной выше монографии не найдем. Все многочисленные писатели рассмотрены с точки зрения их официальной иерархии в тогдашних общественных, культурных и литературных структурах ГДР. Литературное развитие подается сплошным потоком, безо всяких попыток дифференциации разнонаправленных и порой противоборствующих тенденций. Совершенно не выдержан не только эстетический, но даже и социологический подход. И все же – поскольку после А.Н. Пыпина на русском языке не было опубликовано ни одного систематического очерка истории всей серболужицкой литературы – книга В.А. Моторного и К.К. Трофимовича заполнила зияющую информационную лауну; особенно это касается серболужицкой литературы XX века. Не утратят своей информативно-научной ценности факты и наблюдения, относящиеся к истории взаимосвязей серболужицкой литературы с другими славянскими

литературами (русской, украинской, чешской и др.).

Завершая этот вынуждено краткий обзор отечественной литературоведческой сорабистики⁵¹, необходимо подчеркнуть, что очень важные и плодотворные импульсы для отечественного историка серболужицкой литературы в настоящее время приходят из смежных областей славистики: во-первых, от специалистов, занимающимися другими славянскими литературами⁵², и, во-вторых, от славистов смежных специальностей, прежде всего историков и лингвистов, но также историографов, этнографов и культурологов. Современный литературовед, осваивающий историю национальной славянской литературы, не может не интересоваться тем, как в современной науке уточняется картина этногенеза славян, проблемы формирования этнического самосознания в ранние исторические эпохи; как развиваются современные взгляды на формирование славянских письменных и литературных языков; как трактуются те или иные социально-экономические и историко-культурные процессы, как, наконец, исследуются культурные и литературные взаимосвязи⁵³.

Необходимо, хотя бы коротко, сказать об основных итогах зарубежной литературоведческой сорабистики. Многие десятилетия она в целом развивалась под впечатляющим воздействием серболужицкой главы в “Истории славянских литератур” А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича. Как правило, это были синтетические очерки развития серболужицкой письменности, включавшие в себя историю, этнографию, некоторое описание языков и диалектов, историю письменности и словесности без последовательно проведенного разграничения с историей собственно художественной литературы и, наконец, историю культурных взаимосвязей с той страной, представитель которой создавал данный труд. По сравнению с главой А.Н. Пыпина в эти труды, разумеется, вводилось немало новых данных, но сам принцип синтетического описания оставался господствующим. Назовем хотя бы некоторые из них: “История литературы лужицких сербов” (1910) Адольфа Черного, “Введение в изучение серболужицкой словесности” (1929) Йозефа Паты, “Серболужицкая литература” (1938) Йозефа Голамбека, “История серболужицкой литературы” (т. 1-2, 1954-1960) Рудольфа Енча, “Лужицкие сербы и их литература” (1955) Антонина Фринты. Эти труды стали такой же классикой сорабистики для своих стран, как и глава А.Н. Пыпина. В то же время постепенно накапливался и непосредственно исследовательский и литературоведческий материал: обнаруживались неизвестные архивные источники, забытые памятники, все больше возникало монографических работ об отдельных писателях и крупнейших деятелях серболужицкой культуры. За предвоенные и послевоенные десятилетия накоплен поистине огромный материал по международным связям серболужицкой литературы (немецким, чешским, польским, словацким, словенским, русским, украинским, белорусским, болгарским и даже английским). Пожалуй, наиболее оригинальный синтетический труд был написан английским сорабистом Джералдом Стоуном “Самый маленький

славянский народ. Лужицкие сербы” (Лондон, 1972). Посвятив всю свою научную деятельность изучению Сербской Лужицы, Д. Стоун сумел емко изложить этническую и социальную историю, этапы формирования национального самосознания, дать краткий очерк литературного развития, показать сложную диалектику развития верхнелужицких и нижнелужицких диалектов, письменных и литературных языков (по базовому образованию Д. Стоун – лингвист); представить национальные традиции и фольклор; посвятил отдельную главу развитию музыки и завершил свою книгу специальной главой о социально-экономической, политической и этнокультурной ситуации серболужичан на начало 1970-х гг. В плане комплексного подхода к теме Сербской Лужицы книга Д. Стоуна – своеобразная вершина современной сорабистики⁵⁴. В данном жанре книгу Д. Стоуна не заменяют даже последующие – и весьма авторитетные коллективные труды. Первый из них издан под эгидой ЮНЕСКО в 1987 г.: “Язык и культура лужицких сербов на протяжении их истории”; он объединяет славистов из 5 стран: Германия – 7 авторов, СССР – 3 автора (К.К. Трофимович, М.И. Ермакова и Л.П. Лаптева), Англия (Д. Стоун), Польша (Р. Лешинский) и Я. Петр из ЧССР)⁵⁵. Но в двух литературоведческих главах этого труда (П. Новотный и Л. Хайне) не содержится еще ничего нового, что колебало бы традиционные для сорабистики вневзететические установки и противоречило бы идеологии СЕПГ (книга издана в ГДР). Гораздо большая раскованность чувствуется в последнем по времени синтетическом коллективном труде, изданном уже в объединенной ФРГ коллективом под руководством нового директора Серболужицкого института в Будишине Дитриха Шольце: “Серболужичане в Германии. Семь очерков по истории культуры” (1993)⁵⁶. Роскошно иллюстрированная книга издана скорее с популяризаторской, чем с научной целью, но в кратком очерке истории серболужицкой литературы, написанном К. Пиниековой, чувствуются новые веяния и стремление внести в излагаемый материал проблематичность и “пересортировку” литературных имен⁵⁷.

Раздел II. Историко-контекстуальный подход к истории серболужицкой литературы с позиций современности

В данном разделе мы продолжим обоснование специфики историко-контекстуального подхода к истории серболужицкой литературы, но уже исходя из ее сегодняшнего состояния, из тех проблем, которые проявлялись по крайней мере уже с 1960-х гг., и так или иначе начинают осознаваться научной общественностью. С сегодняшней ретроспективы (то есть когда в самой науке накопились соответствующие исследования) очевидно, что проблемы эти возникли сразу после 1945 г., хотя обнаруживали себя лишь постепенно. Одной из таких проблем стала *государственная поддержка* (впервые за всю историю!) серболужицкого книгопечатания в немецких издательствах⁵⁸. Какой бы положительной оценки эта государственная поддержка ни заслуживала, она была

все-таки с “двойным дном”: СЕПГ не могла полностью передать книгопечатание на серболужицких языках в руки авторитетных серболужицких деятелей с сильным национальным самосознанием (слишком уж они мужественно защищали национальные интересы в годы нацизма: председатель Домовины П. Недо и его заместитель Я. Цыж сидели в нацистских тюрьмах; председателем Объединения серболужицких писателей в 1946 г. был избран пользовавшийся всенародным авторитетом антифашист М. Новак-Нехорнский), необходимо было постепенно заменить их более “надежными” кадрами, что в дальнейшем и было сделано. Выравнивая гражданские и социально-экономические права серболужичан и немцев, дав серболужичанам возможность изучать родной язык и читать на нем газеты и книги, идеологи СЕПГ тщательно следили за тем, чтобы национальное самосознание серболужичан строго ориентировалось на “общегдээрговскую” модель социализма и не культивировало какую бы то ни было национальную специфику (разве только в безобидных формах фольклорных ансамблей). На серболужицкой литературе это сразу же отразилось и еще в одном плане: стали активно приветствоваться книги серболужицких писателей на немецком языке. Процесс этот – по нескольким причинам – сначала шел несколько замедленно, но все же небывалыми для всей предшествовавшей серболужицкой истории темпами. К 1964 г. на немецком языке было издано 30 книг серболужицких авторов, 13 из них (10 авторских книг и 3 составленных им антологий) принадлежали Юрию Брезану⁵⁹ (род. 1916 г.), занявшему тем самым особое и почти монопольное положение (почти) единственного полномочного представителя серболужицкой литературы (не только современной, потому что на немецкий язык и на западноевропейские языки серболужицкая литература до 1945 г. *не переводилась*) сначала в немецкоязычной, а затем и во всей зарубежной читающей аудитории (по крайней мере до середины 1960-х гг.). С одной стороны, Ю. Брезан вырывался таким образом из национальной “узости”, прокладывая сначала себе, а затем и другим широкую дорогу в немецкие издательства ГДР. Иногда Ю. Брезан писал немецкий и серболужицкий тексты параллельно; некоторые тексты (отдельные пьесы и стихотворения), написанные им по-верхнедужицки, на немецкий язык не переводились. Но если учесть, что большинство своих произведений Ю. Брезан писал *сразу по-немецки*, а для изданий на серболужицком языке довольно часто отдавал свои немецкие тексты профессиональным переводчикам на серболужицкий язык⁶⁰, то обнаруживается еще несколько проблем, отразившихся на дальнейшей судьбе серболужицкой литературы и ее сегодняшнем состоянии⁶¹.

Многие серболужицкие писатели, и так с детских лет владевшие немецким языком, стали активно и вполне осознанно писать и издаваться на немецком языке. Мотивы, разумеется, были разными, и литературовед – не судья жизненного поведения и не публичный моралист, но все же нельзя не заметить тех последствий (одновременно позитивных и негативных), которое имело это поощряемое государством двуязычие для дальнейшего развития серболужицкой

литературы. Соблазнов для литературно одаренных серболужичан в ГДР открывалось немало: выход в немецкие издательства⁶² сразу же выводил на несравненно более широкую читательскую аудиторию (если даже принять официальную цифру – а статистика серболужицкого населения в ГДР ни разу не проводилась – в 100 000, то немцев в ГДР все равно было в 170 раз больше, чем серболужичан); появилась возможность получать более высокие гонорары (на практике двойные или даже тройные); появилось гораздо больше вероятностей для переводов на другие языки (все многочисленные переводы Ю. Брезана на русский язык сделаны с *немецкого языка*) и – не в последнюю очередь – значительно увеличивались шансы на творческие поездки за границу. В данном случае совершенно не имеет значения неполнота в перечислении названных последствий, важно лишь понять в принципе, что было много самых разных факторов, побудивших серболужицких писателей совершить невиданный до того в серболужицкой литературе “скачок” в немецкую литературу.

Уже с 1950-х гг. серболужицкие писатели – впервые в истории немецкой литературы – стали активно переводить на немецкий язык серболужицкую классику (Г. Зейлер, Я. Барт-Чишинский и др.), а затем публиковать свои произведения в немецких журналах и книги в немецких издательствах. Назовем здесь лишь самые крупные имена, входящие в “золотой фонд” послевоенной серболужицкой литературы: Ю. Брезан, К. Лоренц, Ю. Кох, А. Стахова, Р. Домашцына, Б. Дырлих. Естественно, что их произведения широко обсуждались в критике ГДР, их имена попали в литературные справочники и истории литературы, и творчество их постепенно стало неотъемлемой частью немецкоязычной литературы ГДР, а затем – как показало время – такой же частью литературы ФРГ и всех немецкоязычных литератур, которые и до сих пор по давней традиции чаще всего рассматриваются как единое целое (естественно, при наличии также и *национально ориентированных* историй австрийской и швейцарской литератур)⁶³. Проблема двуязычия серболужицких писателей могла обсуждаться в ГДР только в своих положительных аспектах. После присоединения ГДР к ФРГ (1990) в литературной прессе появилось немало материалов, позволяющих увидеть далеко не однозначные последствия такого ускоренного многими обстоятельствами “слияния” серболужицкой и немецкой литератур. Полного “слияния”, разумеется, не произошло: всегда оставались писатели, создававшие свои произведения только на серболужицких языках, да и крупнейшие писатели, вошедшие в немецкую литературу, отнюдь не стали “ренегатами”. Но определенный раскол национальной интеллигенции на “монокультурную” и “бикультурную” или “мультикультурную” все же произошел – эта трещина обнаруживается уже и в 1950-е годы.

В дискуссиях, развернувшихся в этой связи за последнее десятилетие участвуют не только сорабисты из бывшей ГДР, но – все активнее – слависты и даже германисты из многих стран. В этих дискуссиях были затронуты вопросы, относящиеся сегодня не только *непосредственно* к современной Сербской

Лужице, но и вообще к проблемам функционирования культур и языков (и выживания) малых народов и этнических групп Европы (которых, как обнаружилось, не так уж мало) и – далее – к значительно более пристальному взгляду на современный культурный ландшафт Европы⁶⁴. В этом нестройном научном (а иногда принимавшем и идеологические оттенки) диалоге постепенно выяснились по крайней мере три ведущие позиции, из которых мы особо выделим одну, наиболее ярко представленную, с одной стороны, немецким славистом и сорабистом Вальтером Кошмалем, и, с другой, крупнейшим современным серболужицким писателем Кито Лоренцом, взгляды которых, на первый взгляд, неожиданно, но почти совпали. В. Кошмаль, начинавший с концептуальных статей о специфике серболужицкого модернизма⁶⁵, издал в 1993 г. во многом новаторский коллективный труд “Перспективы серболужицкой литературы” и вслед за этим монографию “Основополагающие черты серболужицкой культуры. Типологический анализ” (1995)⁶⁶. В. Кошмаль стремится объединить обширный опыт построения типологии культуры, накопленный современной компаративистикой⁶⁷, с максимальным учетом результатов исследований национальных, региональных и этнических моделей культуры, сочетая все это с многолетними штудиями самой серболужицкой культуры. В данном случае нас интересуют прежде всего его конечные выводы.

В. Кошмаль вводит и обосновывает термин “новая немецкая литература славянских серболужичан”⁶⁸, что означает в том числе и констатацию того факта, что обширная серболужицкая литература на немецком языке продолжает сохранять свою отчетливую национальную специфику, современные серболужицкие писатели отражают “бытие, конституирующее свою идентичность в противоречии и уже сейчас создают литературу и искусство, обладающее такой огромной коммуникативной интенсивностью, что она легко включается в общий диалог культур, в котором отчетливо слышатся и серболужицкие голоса”⁶⁹. Соглашаясь с тем, что европейская культура в целом переживает сейчас стадию постмодернизма, сказывающегося в утрате “доминирующего принципа” и “целостности” и принятию “многообразия” равноправных возможностей, он завершает свою концептуальную главу следующим итоговим выводом: “Серболужицкая литература также пошла по этому пути. Но для нее, как для малой литературы, всегда были характерны специфические условия эволюции. Возникает вопрос: не примут ли процессы саморазрушения у серболужичан теперь уже окончательный характер. Но мы знаем, что этот вопрос столь же древний, как и сами серболужичане”⁷⁰.

К. Лоренц подобных риторических вопросов не ставит. Он не сомневается в том, что серболужицкая литература, пережившая на протяжении истории многие драматические ситуации, выдержит и испытание постмодернизмом. Сам К. Лоренц, будучи одним из зачинателей и наиболее ярким представителем постмодернизма в современной серболужицкой литературе, постоянно и с одинаковой интенсивностью пишет книги на верхнелужицком и немецком языках и постоянно теоретически (и полемически) обосновывает новую модель

развития серболужицкой культуры в современных условиях, главное из которых – исторически обусловленное и окончательно закрепившееся *двуязычие* серболужичан, которое является уже непреложным фактом национального самосознания и считается с которым *национальный серболужицкий* писатель просто обязан. Лоренц предлагает рассматривать отношение серболужицкой истории к немецкой истории в новейшее время как отношение особенного и общего. Таким же является и национально-этническое самосознание современного серболужичанина, который в более общем, государственном смысле чувствует себя немцем, оставаясь в то же время в частном, особом смысле серболужичанином. “И общество признает его в равной степени как серболужичанина и как немца, поскольку он свободно и без всяких помех способен осуществлять коммуникацию в обоих коммуникативных сообществах. Так, есть двуязычные серболужичане, которые акцентируют свою сербскость, но есть и другие двуязычные, которые подчеркивают свою немецкость. Между этими двумя позициями есть еще и целый спектр промежуточных позиций”⁷¹. Таким образом, сопоставляя позиции немецкого слависта В. Кошмаля и серболужицкого писателя, литературоведа⁷² и критика К. Лоренца, можно сделать следующий вывод: при написании полновесной истории немецкой литературы литературовед должен найти приемы и методы описания, которые позволили бы ему *адекватно* ввести в эту историю “немецкую литературу славянских серболужичан” (не только современную, но, по крайней мере, от Хандроша Тары, т.е. с XVII века), то есть литературовед *вынужден* будет соотносить эту *немецкую славянскую литературу* с национальными традициями немецкой литературы и рассматривать эту (немецкую) часть серболужицкой литературы в соответствии с теми принципами и правилами, которые он в данном конкретном случае считает наиболее эффективными для понимания истории немецкой национальной литературы. Для историка серболужицкой литературы эта проблематика предстает совершенно в ином ракурсе. Он рассматривает историю и сами памятники серболужицкой национальной литературы, исходя из специфических условий формирования и развития национального этноса, который в ходе этого развития мог – добровольно или вынужденно – *использовать разные языки* (верхнелужицкие и нижнелужицкие диалекты, затем языки латинский, немецкий, чешский) для создания *адекватного языка собственной национальной литературы*, которая, развиваясь в национальном контексте, неизбежно и органически перерабатывала и включала в себя также и региональный контекст – такой, каким он складывался от столетия к столетию, через все зигзаги национальной, региональной, европейской и мировой истории.

Тем самым необходимость изучения истории серболужицкой литературы в региональном контексте находит мощное подтверждение и при анализе современной общественной и литературной ситуации в Сербской Лужице. И если – как мы надеемся – из всего вышесказанного ясно, что изучение немецкоязычной части серболужицкой литературы *неизбежно* даже в рамках

национального контекста, то оно *совершенно необходимо* в рамках регионального контекста. Различия этих двух контекстов тоже совершенно очевидны. И все же еще раз подчеркнем важнейший из наших тезисов: при региональном подходе к региональному контексту *одинаково важны все составляющие этого контекста*. Компаративистика слишком быстро перешла в область глобальных обобщений и типологических конструкций – отсюда и все ее очевидные сегодня недостатки и попытки (задним числом) опуститься на региональный уровень исследования⁷³. Многочисленные труды по междисциплинарным связям и взаимодействиям (включая сюда и попытки определить типологию этих взаимодействий) сами по себе замечательны и необходимы, но *только* с их помощью названную проблему разрешить невозможно. И еще раз с решительностью подчеркнем: увеличившийся за последнее десятилетие список трудов по междисциплинарным и межкультурным связям⁷⁴, и даже расщепление этого потока на различные и вполне самостоятельные “течения”⁷⁵ с собственной методикой освоения историко-культурного материала⁷⁶, – все это необычайно важно и необходимо науке и по-своему подводит ее к вычленяемой здесь нами проблематике, то есть конкретно, хотя и постепенно обнаруживает, насколько непросто будет переход истории национальной литературы в ее национально-региональных аспектах к воссозданию истории литературного региона во всей полноте его регионального контекста. Чтобы выразиться еще яснее: центр тяжести на современном этапе должен переместиться от исследования взаимосвязей – к *исследованию подвижной динамики регионального контекста*; лишь потом, изучив множество региональных контекстов (и постепенно расширяя само понятие регион – поскольку *каждый регион* – будучи сам частью более обширного региона – может включать в себя и более мелкие регионы, которые сами по себе могут включаться еще и в другой региональный контекст), можно будет заново осмыслить и проблематику литературных взаимосвязей. Сколько всего позабытого и еще не освоенного (якобы за ненадобностью – да оно и действительно казалось ненужным при написании историй национальных литератур в национально-историческом контексте) нам придется при этом вспомнить или заново разыскать! И какие новые связи и закономерности нам при этом откроются! Но нетрудно предположить, что после этой, на практике гигантской, работы и истории национальных литератур станут точнее и вывереннее⁷⁷.

Итак, взгляд на серболужицкую литературу из современной ее ситуации полностью подтверждает позиции автора, выдвинутые в “Разделе I” при обосновании некоторых принципов историко-контекстуального подхода к истории серболужицкой литературы на примерах из ее прошлого. То, чего еще не обязаны были знать (а часто и просто не могли – из-за состояния источников) И.И. Срезневский и А.Н. Пыпин (и прежде всего – обширную серболужицкую литературу на немецком языке), уже обязаны были знать В.А. Моторный и К.К. Трофимович⁷⁸. При этом – так сказать, попутно – встает еще один

методологический вопрос, обнаруживающийся почти всегда при более пристальном сопоставлении данных, накопленных по истории той или иной национальной литературы в монографических и диссертационных исследованиях (не говоря уже о разработках, накапливающихся в смежных науках) и освоением этого ценного *исследовательского* материала в рамках истории национальной литературы. Какие-то зазоры и отставания здесь, видимо, неизбежны, но, кажется, беспрецедентная ситуация сложилась с написанием истории нижнелужицкой литературы, которой – несмотря на наличие многих предварительных “заготовок” и разработок до сих пор так и не существует. Это обусловлено многими факторами, в том числе и неспособностью сорганизовать найти адекватные подходы к специфическому общественно-культурному контексту Нижней Лужицы, который – как это ни пытались делать – исключал даже возможности продуктивных типологических сопоставлений верхнелужицкой и нижнелужицкой литератур.

Переходя к проблеме специфики нижнелужицкой литературы, требующей ее изучения в собственном национальном и региональном контексте, еще раз в самом начале подчеркнем, что в данном случае не имеет решающего значения вопрос о том, можно ли нижнелужицкий язык кодифицировать как самостоятельный или нет (мы уже указывали выше, что мнения авторитетных лингвистов здесь расходятся). Напомним еще раз, что на базе одного языка может складываться несколько (немецкий язык) или даже много (испанский язык) национальных литератур. Но сняв данный вопрос, мы тем самым вовсе не облегчаем решения самой проблемы, особенно если исходить из современного состояния нижнелужицкого литературного языка, так и не ставшего в Нижней Лужице разговорной нормой (обиходная разговорная речь нижнелужичан находится в “состоянии конфронтации” с нижнелужицким литературным языком – но это уже совершенно особая проблема). В тех небольших и порой далеко разбросанных сообществах, где сегодня еще говорят по-нижнелужицки, как правило, используется все же не литературный нижнелужицкий язык, а по-прежнему язык нижнелужицких диалектов, так и не слившийся до конца в единую кодифицированную и нормированную разговорную речь. И тем не менее письменность и литература на нижнелужицких диалектах развивается по крайней мере с XVI в.; в разнообразных усилиях по переводу библейских текстов возникают грамматики и словари; нижнелужицкие писатели (в своем большинстве – священники) так или иначе на эти нормы ориентируются, внося и свою лепту; литературный нижнелужицкий язык оформляется уже во второй половине XIX века; основная его особенность с точки зрения функционирования состоит в том, что он остается несколько искусственным, достаточно далеко оторванным от живого разговорного языка, продолжавшего бытовать в форме местных диалектов. С конца XIX в. (с М. Косыка) нижнелужицкий литературный язык формируется более интенсивно, но читателей нижнелужицкой литературы становится все меньше – ассимиляционные процессы в Нижней Лужице в XX в. ускорились и в период ГДР их остановить не удалось⁷⁹. В то же время

нижнелужицкая пресса и книгоиздание продолжают существовать и сегодня. Попытаемся здесь суммировать самое важное для нашей темы:

1. Вплоть до второй половины XVII в. Нижняя Лужица заметно превосходила Верхнюю Лужицу не только по количеству проживавшего там коренного славянского населения, но и по развитию письменности и литературы, о чем свидетельствуют даже сохранившиеся памятники (а число уничтоженных или утраченных памятников – т.е. сохранившихся только по извлечениям или упоминаниям позднейших авторов – в Нижней Лужице заметно превышает то же число в Верхней Лужице).
2. Со второй половины XVII в. бранденбургские курфюрсты начинают целенаправленную политику по искоренению нижнелужицких диалектов и ассимиляции остатков славянского населения. Эта политика с 1660-х гг. выражалась в изъятии и уничтожении уже опубликованных нижнелужицких книг, в запретах на употребление родного языка в школе и в церкви, в постоянных запретах на публикацию даже сугубо богослужебной литературы. И даже эпоха Просвещения, так благотворно сказавшаяся на пробуждении национального самосознания в Верхней Лужице, в Нижней Лужице мало что изменила. Крупнейший серболужицкий историк Ф. Метшк, посвятивший немало исследований данной проблематике, констатировал в 1976 г.: “Дифференцированное культурное развитие серболужичан, наметившееся в позднем Средневековье, продолжалось во время буржуазной революции и реформ во второй трети XIX века”⁸⁰.
3. Весьма благоприятная для развития литературы ситуация оживленного “диалога культур”, сложившаяся в Верхней Лужице уже к концу XVIII в. и включавшая в себя разнообразные религиозные и светские структуры (Сербское проповедническое общество, Верхнелужицкое научное общество; затем заметное воздействие идей Йозефинского Просвещения; протестанты, католики и пиетисты), широкий обмен культурным опытом представителей различных национальностей (прежде всего верхнелужичан и немцев, но затем и чехов, и словаков и представителей других славянских народов) – все это в Нижней Лужице практически отсутствовало. Однообразный протестантский “ландшафт” (“заходы” пиетистов в Нижнюю Лужицу были не столь “результативными”, как их деятельность в Верхней Лужице), почти безоговорочная настроенность немецких (в прусском духе воспитанных) протестантов не на диалог, а на “ликвидацию” нижнелужичан – все это не могло быть питательной почвой для сколько-нибудь эффективной литературной жизни и литературы и – более того – давало дополнительные стимулы к “сворачиванию” самого этноса.
4. Идеи национального возрождения и славянской взаимности, так всколыхнувшие духовную жизнь и литературу Верхней Лужицы, доходили до Нижней Лужицы либо с очень большим запозданием, либо в весьма

адаптированных интерпретациях. В годы наполеоновских войн, к примеру, нижнелужицане полностью разделяли патриотические антинаполеоновские настроения, и лучший нижнелужицкий писатель этой поры Д.Б. Глован писал песни для нижнелужицких ополченцев и для них же переводил на нижнелужицкий язык популярные немецкие солдатские песни, чтобы нижнелужицкие солдаты могли петь их на своем языке. Верхнелужицане, как известно, должны были – в составе саксонских отрядов – сражаться в армии Наполеона. Подобные разнонаправленные тенденции конкретного исторического бытия (а приведенный пример отнюдь не единственный) создавали – и различия языков и диалектов только усиливали этот момент – определенные элементы отчуждения нижнелужицан от верхнелужицан, и уж в любом случае создавали дополнительные трудности, когда требовалось найти взаимопонимание. Можно даже говорить о двух различающихся менталитетах, исторически постепенно сложившихся у серболужицан Верхней и Нижней Лужи. Если выражаться совершенно лаконично, то, пожалуй, можно сказать, что в дуалистическом мироощущении нижнелужицан (исключая чрезвычайно немногочисленную элиту) доля “немецкости” (или “прусскости”) уже в XIX в. была заметно больше, чем у верхнелужицан (лингвистически это подтверждается в т.ч. большим проникновением германизмов в нижнелужицкие диалекты).

5. Но даже и на уровне контактов национальной культурной элиты, где, казалось бы, цели и задачи были общими, диалог в значительной степени затруднялся тем, что более организованные и продвинутые в сфере общественной и литературной жизни верхнелужицане, нередко хотели просто навязать нижнелужицанам свои “правила игры” – начиная от правописания и очищения языка от германизмов до введения верхнелужицкой лексики. Один из самых драматических случаев подобного непонимания, отсутствия творческого диалога – сохранившееся и опубликованное письмо нижнелужицкого писателя К.Ф. Стемпеля верхнелужицкому историку литературы К.А. Енч от 28 декабря 1863 г., связанное с попытками Стемпеля отвести многочисленные упреки по поводу его эпической поэмы “Три могущественных горна”⁸¹. Как явствует из этого длинного письма, К.А. Енч просто *не понял* ни содержания, ни формы этой оригинальнейшей философской поэмы, а не понял потому, что как литератор, полностью включенный в бурную общественную и литературную жизнь Верхней Лужицы, переживавшей высший пик национального возрождения, он прежде всего увидел в ней нечто совершенно чуждое, далекое от потребностей текущей литературы. В итоге этого непонимания в верхнелужицкий журнал “Лужичанин” попали в разные годы (1861; 1862; 1864) три небольших отрывка (по несколько строк из разных частей поэмы), а сама поэма (в то время по этим отрывкам, видимо, никого не заинтересовавшая) затем считалась утраченной и была

полностью опубликована лишь в 1963 г. В историко-литературном плане она остается не освоенной и, кажется, прежде всего потому, что она *разительно* отличается от верхнелужицких поэм и стихотворений соответствующего периода – ее просто не с чем сравнивать. Сегодня же остается только жалеть, что подобным образом были утрачены другие произведения Стемпеля – на наш взгляд, в этом прежде всего повинен не сложившийся еще в это время “диалог” верхнелужицкой и нижнелужицкой литературы.

6. В то время как наибольшую активность в Верхней Лужице развивали чехи (а также словаки и словенцы), в Нижней Лужице более активными были поляки (нельзя забывать и то, что на территории нынешней Польши еще в XIX в. жило немало нижнелужичан). Верхняя Лужица оказалась дважды вовлечена в серьезные политические игры с чехами (1918-1919; 1945-1948). Разумеется, поляки контактировали и с верхнелужичанами (большую роль здесь сыграл Я.А. Смолер), но мы говорим об отчетливо заметных тенденциях. Весьма плодотворные контакты между верхнелужицкими и нижнелужицкими деятелями культуры стали налаживаться в межвоенный период, но они были прерваны. Но и после 1945 г. ситуация психологического отчуждения основной массы нижнелужичан от Верхней Лужицы преодолевалась с большим трудом: Домовину в послевоенные годы представляли в основном верхнелужицкие партийные функционеры – именно они провели в Нижней Лужице поголовную коллективизацию, о которой нижнелужицкие крестьяне (т.е. подавляющее большинство нижнелужичан) вовсе и не помышляли.
7. Таким образом, если до конца XVIII в., видимо, еще как-то можно было говорить о различии политических и социокультурных условий в положении серболужичан в обеих Лужицах, то по крайней мере в XIX в. (а, видимо, и еще раньше, но эта проблема еще не исследована) отчетливо выступают уже и различия в мироощущениях верхних и нижних лужичан, сформированные за несколько столетий жизни в заметно различающемся национальном и региональном контексте. И, хотя по современным подсчетам в Нижней Лужице осталось всего 12 000 человек, говорящих по-нижнелужицки, с точки зрения научного подхода к проблеме это ничего не меняет. А учитывая весь огромный и запутанный исторический контекст – тем более.

Первым из литературоведов, кто почувствовал, что означает пунктиром обозначенная выше разнонаправленность (специфика) историко-культурных процессов в Верхней и Нижней Лужицах, был Р. Енч, который в первом томе своей “Истории серболужицкой литературы” (1954) еще пытался как-то объединить обе литературы, но во втором томе категорически отказался от подобного объединения, оговорив свою позицию в предисловии: до конца XVIII века обе литературы развиваются почти параллельно, но “в первой половине XIX в. я не обнаруживаю в нижнелужицкой литературе ничего, что

напоминало бы верхнелужицкое национальное возрождение”; уже поэтому история нижнелужицкой литературы с начала XIX в. нуждается в специальном рассмотрении как “особая целостность”⁸². Но создать подобный труд оказалось не так-то просто: он отсутствует и по сей день⁸³, хотя наработки по частным (и важным) проблемам уже накапливаются. Как факт невнимания к смежным наукам, нежелание перевести очевидные уже в них результаты в плоскость литературоведения, можно лишь констатировать, что историки и лингвисты продвинулись гораздо дальше к пониманию специфики ситуации в Нижней Лужице, чем литературоведы. Поэтому в данном случае и понятно, почему именно такой крупный историк, как Фридо Метшк, попытался объяснить литературоведам и историкам культуры проблемы исторической специфики нижнелужицкой литературы в статье “Размышления о положении нижнелужицкой литературы в истории серболужицкой словесности” (1976). Но статья при ее первой публикации в “Розгляде” прошла фактически незамеченной. И только после смерти Ф. Метшка (1990) и после коренного изменения культурно-политической ситуации и упразднения идеологического господства СЕПГ статья эта была демонстративно перепечатана в переводе на немецкий язык в “перестроечном” сборнике реформированной Матицы серболужицкой с весьма знаменательным послесловием П. Янаша, где подчеркивается, что научные позиции Ф. Метшка по мере углубления его исследований все дальше и дальше расходились с “господствующей линией партии и с официальной доктриной”, и что именно сейчас наступает время, когда можно продолжать путь, начатый Ф. Метшком⁸⁴.

До сих пор на убедительные историко-культурные аргументы Ф. Метшка о специфике нижнелужицкого историко-культурного контекста откликнулся лишь боннский славист В. Поттхоф, опубликовавший в 1982 г. статью “Серболужицкий романтизм между славянским национальным возрождением и классицизмом”, в которой попытался сделать литературоведческую “надстройку” на социокультурном “фундаменте” Ф. Метшка. Даже первые, еще весьма нуждающиеся в дальнейшем развертывании и аргументации выводы, весьма любопытны. Оказывается, что Ф.К. Стемпель, тексты и переписку которого В. Поттхоф изучил достаточно основательно, представлял нижнелужицкое течение серболужицкого романтизма, которое весьма скептически (у Поттхофа еще резче: отрицательно) относилось к панславистским идеям о славянской взаимности и к чехам, в которых они видели основных носителей этих идей. В этом – ядро разногласий Ф.К. Стемпеля с Г. Зейлером и Я.А. Смолером, которые распространялись почти на все – вплоть до проблем орфографии. В результате этих и подобных наблюдений В. Поттхоф делает вывод: “В итоге возникает более дифференцированная применительно к местности общая картина, которую следует иметь в виду с точки зрения методики регионалистского литературоведения при особом учете различающихся традиций образования”⁸⁵. Совершенно справедливо выступая против типологических крайностей, когда из-за плохого знания реального

контекста сопоставляются вещи, при ближайшем рассмотрении для типологического сопоставления мало пригодные, В. Поттхоф, однако, и сам делает существенные натяжки, хотя и несколько иного рода. Основной “недосмотр”, который он допускает – хронологически-биографического порядка: сравнивая литературный путь Г. Зейлера и Ф.К. Стемпеля, нельзя забывать, что Стемпель – на целое поколение (почти на 20 лет) *старше* Г. Зейлера, хотя Зейлер вступил в литературу почти на 30 лет *раньше* Стемпеля. Такие расхождения встречаются не часто, но тем внимательнее надо быть. Стемпель учился в той же гимназии в Будишине, что и Г. Любенский, и Зейлер, и в том же Лейпцигском университете; поэтому “различающихся традиций в образовании” в данном случае не было, во всяком случае не они сыграли решающую роль. Решающим же было то, что Стемпель, будучи даже старше Г. Любенского, учился в Лейпцигском университете в те же годы (1807-1810), когда Сербское проповедническое общество на несколько лет утратило свой национальный характер, стало территориальным, смешанным серболужицко-немецким обществом, перестав быть местом воспитания национально-патриотических кадров, и *Сорабия* стала Лузацией (Lusatia). Сербское проповедническое общество было переименовано в Лужицкое, возобладали территориальный принцип и вместе с ним усилилось немецкое влияние. Но Стемпель, возглавивший Лузатию, не видел в этом трагедии, он привык к этому в Нижней Лужице и это ничуть не сковывало его национального патриотизма. Через несколько лет (1814) ситуация снова резко изменится благодаря усилиям Г. Любенского и Б.А. Клины – именно их раннеромантический кружок становится кузницей национально-патриотических идей и кадров. Но Стемпель всего этого уже не застал. Он вдумчиво освоил просветительское наследие, и *не только немецкое, но и верхнелужицкое*: “Три могущественных горна”, так неповторимо прославляющие божественный голос и человеческую речь, *по-своему* продолжают традицию Ю. Меня с его поэмой “Серболужицкого языка возможности и восхваление их в поэтической песне”, которая именно в 1806 г. была, наконец, издана отдельной книгой и не могла не вдохновить Стемпеля⁸⁶, всей своей жизнью и творчеством доказавшего, что он патриот, только не Верхней Лужицы, у которой уже было много защитников, а Нижней Лужицы (со всей ее отчасти уже здесь перечисленной спецификой), у которой защитников в этот период уже почти не оставалось.

Завершая второй раздел доклада, подчеркнем, что историко-контекстуальный подход, как нам представляется, позволяет продуктивно разрешить не разрешенную пока с помощью других подходов проблему истории нижнелужицкой литературы, которая, с одной стороны, развивается вполне самостоятельно и потому требует самостоятельного изучения в своем *собственном контексте*, но, с другой стороны, ее история (как генетически, так и с позиций современности) настолько тесно переплетена с историей верхнелужицкой литературы (тоже развивающейся самостоятельно и требующей самостоятельного изучения в собственном контексте), что делает необходимым

также и их объединение в едином – и гораздо более широком – контексте истории серболужицкой литературы в целом. Но при адекватном применении историко-контекстуального подхода эта *контекстуальная история серболужицкой литературы* уже перестает быть просто суммой двух литератур, орнаментированной их взаимосвязями, типологическими схождениями и др. На самом деле, кажется более продуктивно видеть в серболужицкой литературе уже XIX в. *метасистему*, в которую по принципу притяжения, но и очень сильного *отталкивания* (что обычно не замечалось или игнорировалось) входят две системы: верхнелужицкая и нижнелужицкая, каждая из которых представляет собой достаточно сложный и подвижный, *живой* организм (это понятие мы трактуем в духе “живого вещества” В.И. Вернадского, но историка культуры, оперирующего в том числе и оппозицией “живая” культура и “мертвая” культура (т.е. оппозицией совершенно условной и искусственной), это не может смущать). А если так, если признать реальное существование оппозиции верхнелужицкой и нижнелужицкой литературы, то и целый ряд других явлений сразу же получает возможность нового истолкования в рамках метасистемы, то есть иначе: в рамках того регионального контекста, в который входит как верхнелужицкая, так и нижнелужицкая литература. Тогда понятно, например, почему в XX в. уже *верхнелужицкий* протестантский священник и поэт Матей Урбан осуществляет грандиозную и, *казалось бы*, бесконечно далекую от всякой актуальности и конъюнктуры задачу – в годы первой мировой войны переводит на верхнелужицкий язык “Илиаду” и “Одиссею” Гомера: он продолжает диалог с Ю. Менем и – главное – со Стемпелем. И все трое они по-прежнему доказывают возможности серболужицкого языка и по-своему стремятся прославить его (ведь назвал же Ото Вичаз Урбана “лучшим переводчиком Гомера во всей мировой литературе” и никто пока этого, кажется, не опроверг, см.: “Nowa Doba”. Budyšin, 1951. Str. 59. Да и Й. Пата завершил свой великолепный труд “Введение в изучение серболужицкой словесности” (1925) восторженной оценкой “Илиады” и “Одиссеи” Урбана). И это многовековое упорство и последовательность, с которой серболужичане (и это уже *отличительная черта данной метасистемы в целом*) отстаивают самобытность и красоту своего родного языка (верхнелужицкого и нижнелужицкого, и даже отдельных диалектов, которые они хотят запечатлеть и сохранить), заставляет искать уже иные типологические ряды и по-своему неизбежно выводит на проблематику национального возрождения, хотя полностью с ней не сливается. Описание *метасистемы* не может ограничиться суммированием описаний входящих в нее систем: метасистема всегда обладает *новыми*, присущими только ей качествами и свойствами. Для этих новых качеств и свойств метасистемы должен быть найден и свой, адекватный этой системе язык, новый уровень литературоведческого освоения и описания, что применительно к метасистеме серболужицкой литературы пока еще не достигнуто⁸⁷.

Раздел III. История серболужицкой литературы в славянско-германском контексте. Заключительные тезисы

Предлагаемые краткие тезисы представляют собой подведение некоторых итогов уже проведенных автором исследований, и в то же время отсылки к некоторым проблемам, требующим дальнейшей разработки в связи с задачами историко-контекстуального подхода.

1. Серболужицкая литература – сложное единство двух литератур (верхнелужицкой и нижнелужицкой), каждая из которых имеет свою собственную длительную историю, совершавшуюся в собственном специфическом историко-культурном контексте. Историко-культурный контекст нижнелужицкой литературы включает в себя *прежде всего* Пруссию, Польшу и Верхнюю Лужицу (как часть Саксонии); в историко-культурный контекст верхнелужицкой литературы входит Саксония и Пруссия, Чехия (и Словакия), Польша и Австрия, Словения и Россия. Через католический “канал” верхнелужичане имели доступ к культурам католического мира (очень многие крупнейшие верхнелужицкие писатели и ученые XIX – первой трети XX в. подолгу жили в Праге, обучаясь сначала в Серболужицкой семинарии, и далее – в Пражском университете), через протестантское и пиетистско-протестантское (Галле, отчасти Лейпциге и др.) могли общаться со всем обширным протестантским миром. Через протестантско-пиетистские и масонские каналы (Г. Рушка) у них укрепилась связь даже с Россией. Нижнелужицкие писатели могли подолгу жить в Берлине (Д.Б. Глован, М.Виткойц), но не получали чешского и австрийского гражданства (как Я.П. Йордан) и не добивались его (Ю. Хежка). Приведенные здесь примеры сами по себе известны, но и литературные связи должны *системно* включаться в контекстуальный анализ. То есть, если к примеру, подсчитано, что 50 верхнелужицких писателей и ученых окончили Пражский университет, и в то же время ни один нижнелужицкий писатель и ученый в Праге не учился, то очевидно, что в истории верхнелужицкой литературы проблема чешско-верхнелужицких литературных взаимосвязей и их последствий должна получать специальную разработку и качественную оценку. Историка нижнелужицкой литературы эта проблема вообще может не заинтересовать, потому что названный факт в нижнелужицкой литературе отсутствовал. Но как отнестись к этому факту историку серболужицкой литературы? Очевидно, что простой констатацией только самого факта он ограничиться не может. Очевидно, ему придется попытаться понять, как сказан этот факт *на обеих литературах* (нижнелужицкой и верхнелужицкой), какие дополнительные оттенки он внес в их и без того уже заметные различия. Далее он попытается определить, как изученный им факт повлиял на *диалог* обеих литератур: ведь не на пустом же месте

возник уже упомянутый нами факт *полного непонимания* крупнейшими верхнелужицкими патриотами (Г. Зейлер, А. Смолер, К.А. Енч и др.) замечательной поэмы нижнелужицкого патриота К.Ф. Стемпеля, приведший в т.ч. и к утрате части его рукописного наследия. В рамках *всей* серболужицкой литературы данный конфликт (и многие другие конфликты подобного рода) имеют *совершенно иное значение*, чем в рамках верхнелужицкой или нижнелужицкой литературы *по отдельности*. Но чтобы изучить и описать обе литературы вместе, в неразрывном единстве притяжений и отталкиваний, необходимо одинаково доскональное знание обеих литератур. Этого и требует историко-контекстуальный подход при переходе от локального или национального уровня исследования на региональный: прежде чем делать выводы о метасистеме той или иной культуры, нужно изучить составляющие ее системы и их противоречивое взаимодействие.

2. Серболужицкая литература – это литература, включающая в себя произведения серболужицких писателей *на всех языках*, которыми им приходилось пользоваться, исходя из обычаев эпохи (средневековая латынь), исторических форм собственных языков (верхнелужицкие и нижнелужицкие диалекты, затем – литературные языки), языков тех государств, в которых им приходилось или приходится жить (чешский, венгерский, немецкий и др.). Для окончательного изживания трансформированных в нашу современность славянофильских идеалистических концепций (то, что прекрасно звучало – и продолжает звучать – в устах И.И. Срезневского, выглядит сегодня как недостаточное знание реального историко-культурного контекста) необходимо ясно видеть, что немецкий язык в ходе многовековой совместной истории стал равноправным и *родным* языком серболужицкой литературы – прежде всего потому, что они были коренными жителями Германии, и немецко-серболужицкое языковое пространство уже со средних веков было их единственным реальным ландшафтом. О том, что это был действительно *единый культурный контекст*, можно написать очень большую и насыщенную конкретными фактами монографию, но здесь укажем лишь на то, что не только серболужичане “онемечивались”, но и немцы “осерболужичанивались”, и это происходило именно потому, что и те и другие жили в *едином* историко-культурном пространстве (контексте, регионе). Уже в 1656 г. на нижнелужицком языке была опубликована книга “Выдержки из Священного писания Ветхого и Нового Завета”, авторами которой были два нижнелужичанина, два словака (Каспер Яношик и Ян Лупин) и немец (Кристиан Фридрихель); вдохновителем, меценатом и непосредственным участником этого издания был немец Готтфрид Тройер (1600-1666)⁸⁸, владевший нижнелужицким языком прежде всего потому, что он был для него *своим* и привычным с детства – так же, как и немецкий. Заметным нижнелужицким писателем стал Юро Зуровин (Георг Заурвайн,

1831-1904), в верхнелужицкой литературе добился большой популярности Ян Валтар (1866-1921), чьи стихи, но особенно рассказы, исторические повести и романы сыграли заметную роль даже в историко-литературном процессе в целом, способствуя популяризации повествовательных жанров и расширению читательской аудитории. Названными именами данная тема далеко не исчерпывается. Разумеется, произведения, написанные этими немцами на серболужицком языке – неотъемлемая составная часть серболужицкой литературы. Вообще проблема национально-этнического происхождения писателя при историко-контекстуальном подходе не может быть совсем опущена, но она решается на этапе историко-генетического анализа творчества писателя и в рамках исторической поэтики, которая, сталкиваясь со спецификой и неповторимостью конкретного произведения, не может опустить ничего, что могло бы помочь ей ответить на важнейшие для нее вопросы. Характерно, что феномен написанной евреями *пражской немецкой литературы* (Г. Мейринк, Ф. Кафка, М. Брод и др.), внесшей огромный и трудно переоценимый вклад в историю австрийской, немецкой, да и мировой литературы, очень трудно поддается освоению с позиций компаративистики, с помощью типологических сопоставлений и т.д.⁸⁹. Однако тщательное (и, естественно, весьма трудоемкое, поскольку одних литературоведческих приемов и методов здесь явно недостаточно) *восстановление исторического контекста*, связанного с длительным совместным проживанием и постоянным взаимодействием в Праге чехов, немцев и евреев, помогает постепенно понять, что в творчестве Ф. Кафки средствами немецкого языка выразился своеобразный *синтез мироощущений трех культур*: еврейской, чешской и австрийско-немецкой. Типологию здесь пришлось бы проводить *внутри* одного писателя и сравнивать его с самим же собой, поскольку его естественной питательной почвой были все три культуры: еврейская, австро-немецкая и чешская. И понять Кафку по-настоящему можно лишь в контексте всех трех культур, которые литературовед к тому же должен знать *одинаково* хорошо⁹⁰.

3. На протяжении всей истории серболужицкой словесности и литературы огромное (и даже, видимо, центральное) место занимали поистине героические усилия писателей, направленные на сохранение и развитие родного языка, что вплоть до XX в. было *равнозначно* сохранению самого народа, его самосознания, его этнической целостности. Если бы серболужицкий народ *полностью* утратил свой исконный язык, то разрабатываемая нами проблематика перешла бы в совершенно иную плоскость⁹¹. В такой экзистенциальной борьбе за физическое и духовное выживание очень мало места остается для эстетических упражнений и игр. Серболужицкая литература (в ее фольклорных, религиозных и светских формах) была *важнейшим* средством борьбы за сохранение и развитие родного языка, выполняя посредством языка целый ряд специфических идеологических функций:

а) литература вырабатывала и формировала духовную национальную идеологию, прививавшую серболужичанам идею необходимости осознания своей этнической и национально-культурной целостности и борьбы за сохранение этой целостности⁹²;

б) литература давала единственную продуктивную возможность преодоления чувства национальной неполноценности и ущербности, естественно возникшего в силу политики национальной дискриминации, прослеживающейся в тех или иных формах практически во всей истории обеих Лужиц;

в) начиная с эпохи Просвещения литература была еще и неисчерпаемым стимулом и источником *духовного могущества*, позволявшим серболужичанам хотя бы в лучших достижениях своего национального этноса (вопреки своей малочисленности и постоянной *реальной ущемленности*) чувствовать себя *наравне* с другими, более многочисленными, сильными и свободными народами.

4. В связи с вышесказанным неизбежно встает вопрос о формировании и развитии *эстетической коммуникативной функции в истории серболужицкой литературы*. К сожалению, этот вопрос совершенно не исследован в литературоведении (разве что в работах В. Кошмаля, который – исходя из теории “первичных” и “вторичных” стилевых формаций – стремится проследить, каким образом “вторичная” стилевая формация складывалась в верхнелужицкой литературе, начиная с Я.Барта-Чишинского⁹³). Но даже и в теоретически насыщенных и последовательно выполненных работах В. Кошмаля мы сталкиваемся с одним из крупных недостатков, характерных, пожалуй, для большинства современных литературоведческих работ с теоретической “подкладкой”. Литературоведы словно забывают, что всякая литературоведческая теория, *во-первых*, всегда условна, так сказать *гипотетична*, и, *во-вторых*, перво создатель той или иной теории создает ее на основе своих собственных знаний конкретного литературного контекста (“участка” литературы), который он освоил более основательно (всего не знает никто). *И здесь не бывает исключений* (именно поэтому и бахтинские теории подвергаются в последние годы иногда открытой, но чаще завуалированной критике)⁹⁴. Всякая литературная теория хорошо “работает” на своем литературном материале и в своем контексте, но наивно полагать, что может быть универсальная литературная теория, дающая ключи ко всем проблемам истории литературы. В этом смысле и наш историко-контекстуальный подход – всего лишь рабочая гипотеза, которая “выросла” на конкретном, серболужицком, историко-литературном материале, когда другие теории уже не давали возможности понять и описать этот материал в его совокупности. Наш подход диктуется в то же время *необходимостью перехода* от историй национальных литератур в национальном контексте к историям региональных литератур

в региональном контексте.

Возвращаясь к вопросу о развитии эстетической коммуникативной функции в истории серболужицкой литературы, можно еще заметить, что здесь пока отсутствуют предварительные наработки в виде историй отдельных жанров, не говоря уже о попытках рассмотреть систему жанровых взаимосвязей на протяжении всей истории или даже на примере какого-то одного периода развития. Без всех этих – и других – разработок и предлагаемые ниже соображения могут носить лишь самый предварительный характер:

а) эстетическая коммуникация как таковая специально не выделялась (и чаще всего даже не осознавалась) серболужицкими писателями из других вышеозначенных (см. пункт 3) функций литературы, но это отнюдь не означает, что она вовсе отсутствовала. Ее можно довольно легко “вычленил” из самих текстов и из литературных манифестов писателей (Х. Тара, Ю. Мень и т.д.). Но *формулирование* эстетической функции литературы как особой, специфической и ничем не заменимой *формы сознания и формы коммуникации* начинается, видимо, все-таки только в творчестве Я. Барта-Чишинского (отсюда, на наш взгляд, и его полемика с Г. Зейлером, который эстетическую коммуникацию *полностью подчинил* общеидеологическим целям – в самом широком, выше уже разъясненном смысле; в смысле идеи “соборности”, если это может быть понятнее);

б) подчеркнуто *индивидуальное начало*, понимаемое здесь как открытое выражение личности и позиции автора от первого лица, появляется в серболужицкой литературе едва ли не с первых памятников (даже в фольклоре оно выражено, но в связи со спецификой фольклорного “я” этот вопрос требует специального рассмотрения). И здесь мы решительно расходимся с В. Кошмалем, приписывающим открытие этой позиции Я. Барту-Чишинскому. Пронзительно-интимные стихи есть и у Г. Зейлера, и у Герты Вичазец (1819-1885), но и значительно раньше – уже в стихотворном посвящении “Автор своему катехизису” (1610) Х. Тары, да и значительно раньше – в стихотворениях и поэмах серболужицких гуманистов. Да и как же могло не прорываться субъективное авторское начало, когда серболужицкий писатель *всегда* находился в *чрезвычайной экзистенциальной ситуации* (образно выражаясь, каждый крупный писатель ощущал себя “последним из могикан”)! Эта проблема, разумеется требует дальнейшей разработки, но нам пока представляется, что здесь – определенная специфика серболужицкой литературы, отражающая и экзистенциальную ситуацию этого самого малочисленного славянского народа;

в) при изучении серболужицкой литературы создается ощущение, что *игра эстетическими возможностями языка* никогда не была для серболужицких писателей *самоцелью*, а возникала лишь эпизодически как “*побочный продукт*” *индивидуального таланта* того или иного

писателя. Даже такой изощренный постмодернист, как Кито Лоренц (см. драмы “Вендское судоходство, 1993, и “Колбаса”, 1994”) продолжает варьировать, но уже постмодернистскими средствами, все ту же экзистенциальную тему: разве может умереть такой виртуозный, с неисчерпаемыми эстетическими возможностями язык (“Колбаса” – на верхнелужицком языке), разве может окончательно ассимилироваться и “раствориться” такой своеобразный (“чудаковатый” – К. Лоренц использует в т.ч. приемы романтической иронии и развивает приемы “очуждения” Б. Брехта) народ, такой неповторимый, немецко-славянский ландшафт (“Вендское судоходство”, в основном на немецком языке, но с большими верхнелужицкими вкраплениями (отдельные диалоги, песни, реплики), а также тирольскими, саксонскими, берлинскими и даже “папуасскими” пассажирами)?

г) при более пристальном взгляде эстетические игры с языком как таковые чаще всего обнаруживаются в серболужицкой литературе у писателей второго ряда (особенно в период ГДР, когда стало “можно рукопись продать”). Но эта проблема требует очень серьезного дополнительного изучения.

- Исходя из всего вышесказанного и с учетом опубликованных монографий и других работ автор может предложить следующую *рабочую* (то есть такую, которая будет уточняться в процессе *дальнейшей работы*) периодизацию историко-литературного процесса в Сербской Лужице (с указанием проблем, настоятельно требующих дальнейшей разработки). Данная схема развития серболужицкой литературы может быть в *практическом плане* использована как пособие по спецкурсу “Серболужицкая литература” на отделениях славянской филологии в университетах, а также при организации кафедры сорабистики в каком-то из российских университетов – хотя бы **одна** такая кафедра в России должна быть, учитывая, что соответствующие кафедры есть в ФРГ, Польше, Чехии, на Украине.

Серболужицкая литература

- VI–XI вв.** Период относительной самостоятельности славянских племен, населявших территории Сербской Лужицы. Проблема единства и исконных различий Верхней и Нижней Лужиц. Серболужичане как составная часть и как остатки огромного славянского племенного массива на территории нынешней ФРГ и Польши – историк серболужицкой литературы *обязан* вовлечь эту проблематику в описание дописьменного периода истории серболужицкой литературы (общие легенды и мифы, общие верования, совместное участие в военных и прочих акциях, что нашло отражение в исторических, мифологически-фольклорных и др. свидетельствах). Проблема христианизации серболужичан. Описание

мифологии, историко-мифологических легенд, а также реконструкция фольклора этого периода в сопоставительном славянском контексте: общее и различия.

2. **XII-XIII вв.** Период активной немецкой колонизации. Начало германизации серболужицкого населения: запреты на родной язык и другие формы национальной дискриминации. Нарастание элементов специфики социально-исторического и культурного развития в Верхней и Нижней Лужицах. Ранние связи верхнелужичан с чехами, и нижнелужичан – с полабскими и “лехитскими” славянами: литературные последствия этих расходящихся связей. Проблема атрибуции сохранившихся на территории Германии памятников письменности на славянских диалектах – выводы относительно письменной фиксации серболужицких диалектов этого периода⁹⁵. При описании этого периода письменности необходимо учитывать исследования лингвистов по данной проблематике, но искать и литературоведческие подходы (основанные прежде всего на контекстуальном сопоставительном изучении исторических и фольклорных свидетельств и т.д.).
3. **XIV- середина XVIII вв.:** Эпоха гуманистических реформаций (Я. Гус, М. Лютер, пиетизм и др.) и позднегуманистической учености. Участие серболужичан в гуситском движении и трансформация гуситских идей в верхнелужицком и нижнелужицком контекстах. Долотеровский период серболужицкого гуманизма в общеевропейском контексте. М. Лютер, Ф. Меланхтон, У. фон Гуттен и серболужицкие гуманисты (Ян Рак, Каспар Пойкер и др.). Серболужицкая литература на латинском языке: обзор сохранившихся памятников и определение их специфики (национально-патриотические акценты) на фоне латинской литературы европейского Средневековья. Международный контекст и международные связи серболужицких писателей-гуманистов. Серболужицкие гуманисты между родными наречиями и латынью: проследить диалектику развития этого “дуализма” в пользу родных наречий и немецкого языка в XVII-XVIII вв. Религиозная литература на серболужицких диалектах в XVI-XVIII вв.; общий обзор, тенденции развития, ее вклад в развитие серболужицких языков и литератур. Появление и развитие светской литературы в XVII в. Ее особенности в Нижней и Верхней Лужицах. Функции немецкого литературного языка в серболужицкой литературе XVII - первой половины XVIII вв.: комплексный анализ проблемы. Проблема формирования литературных жанров в верхнелужицкой и нижнелужицкой литературах этого периода: сопоставительный анализ и прояснение наметившихся различий. Роль пиетизма и пиетистов в развитии серболужицкой словесности. Монографический анализ творчества крупнейших писателей этого периода: Ян Рак (1457-1520), Каспар Пойкер (1525-1602), Альбин

Моллер (1541-1618), Ян Бок (1569-1621), Хандрош Тара (ок. 1570 – ок.1638), Михал Френцель (1628-1706), Абрагам Френцель (1656-1740), Ян Богумер Рихтар (1703-1765). Общие итоги этого периода накануне эпохи Просвещения: дальнейшее выявление разнонаправленных тенденций в развитии верхнелужицкой и нижнелужицкой литератур.

4. **1750-е годы – 1813 год:** эпоха Просвещения в серболужицкой литературе, представляющая собой одновременно и первый этап национального возрождения. Место и роль Сербского проповеднического общества в истории серболужицкой литературы, в формировании концепции национального возрождения и национальной идентичности серболужицкой литературы. Ранние просветительские идеи в творчестве Г.Б. Шераха (1724-1773). Просветительский вклад немецких ученых в деятельность Сербского проповеднического общества и в формирование идей национального возрождения (Г. Кёрнер, К. Кнауце и др.).

Начальный этап формирования концепции национальной литературы в Верхней Лужице. Творчество Юрия Меня (1727-1785) и его значение в выработке перспективной стратегии развития верхнелужицкой литературы. Система жанров и художественная специфика верхнелужицкой литературы 1760-х гг. Общая характеристика деятельности Верхнелужицкого научного общества в 1779-1813 г. в связи с его вкладом в распространение идей Просвещения и национального возрождения в Сербской Лужице. Роль К.Г. Антона (1751-1818) в становлении славистики и сорабистики в Германии. Ян Горчанский (1722-1799) как “будитель” национального возрождения в Сербской Лужице. Н.Б. Леска (1751-1786) как представитель леворадикального крыла верхнелужицкой литературы, его связи с немецкими революционными демократами (Г. Фостер и др.). Проблема Мужаковского кружка просветителей. Первые попытки создания национальной прессы в Верхней Лужице в 1760-1790-х гг. Идеи “Бури и натиска” и творчество Гандрия Рушки (1755-1810). Творчество М. Гильбенца (1758-1816) как продолжение и развитие традиций Ю. Рака. Особое место Рудольфа Меня (1767-1841) в истории верхнелужицкой литературы: между Просвещением, романтизмом и ранним реализмом; подробный контекстуальный анализ его сохранившихся произведений; Р. Мень как крупнейший предшественник Г. Зейлера. Творчество и просветительская журналистско-издательская деятельность Яна Богухвала Дейки (1773-1853) в рассматриваемый период. Вклад Дейки в развитие верхнелужицкого литературного языка.

Проблема специфики нижнелужицкой литературы в рассматриваемый период. Замедленное распространение идей Просвещения и его причины. Особая роль протестантских священников (Я.Б. Фрице, 1747-1819, и П.К. Фрице, 1744-1815) в сохранении и поддержании нижнелужицкой

письменности. Творчество и общественно-педагогическая деятельность Дабита Богувера Глована (1788-1865) как высшее достижение нижнелужицкой литературы этого периода и как связующее звено почти прерванных связей между нижнелужицкой и верхнелужицкой литературами. Начальный этап споров “ригористов” и “модератов” в освещении Д.Б. Глована. Вклад Д.Б. Глована в немецкую педагогику и его поздние взгляды (из Берлина) на проблемы нижнелужицкого этноса и культуры. Творчество Ханзо Непилы (1766-1856) как выдающийся результат – своеобразного – “разреженного” культурного ландшафта Нижней Лужицы. Возникновение феномена одинокого и непонимаемого окружением оригинала (чудака), одного из своеобразных явлений нижнелужицкой жизни и литературы.

Воздействие идей йозефинского просвещения на верхнелужицкую духовную атмосферу в рассматриваемый период. Роль Ф.Ю. Лока и его кружка в завязывании диалога католического (йозефинского) и протестантского (пиетистского) просвещения в Верхней Лужице. Попытки определить, какого рода *диалог* реально проходил между Верхней и Нижней Лужицами в данный период. Акценты, внесенные наполеоновскими завоеваниями и тем, что Саксония (Верхняя Лужица) и Пруссия (Нижняя Лужица) были до 1814 г. по разные стороны “баррикады”.

5. **1814 – середина 1890-х гг.** – романтическая эпоха национального возрождения в Верхней Лужице и медленное, противоречивое, “скрытое от посторонних” движение идей национального возрождения в Нижней Лужице. В этом целостном по внутреннему стержню литературы периоде, целиком и полностью пронизанном идеями и идеалами национального возрождения, в верхнелужицкой литературе можно различить три последовательных этапа развертывания программы национального возрождения, основы которой были заложены еще просветительскими “будителями” в предшествующий период.

1) **1814 – 1828.** От зарождения романтизма в его национально-патриотической окраске до слияния его с идеей славянской взаимности.

а) **1814 – 1824.** Лейпцигский литературный кружок Гандрия Любенского (1790-1840) и Бедриха Адольфа Клина (1792-1855) в рамках организованной ими Сорабии (с 1814 г.) и формирование в нем предромантических и национально-романтических идей. Жанровые поиски в рамках кружка и влияние немецкой литературы и фольклористики (“Волшебный рог мальчика” Арнима и Брентано, Л. Уланд, братья Гримм и др.).

б) **1825 – 1828.** Романтический кружок Гандрия Зейлера (1804-1872) и Гендриха Августа Кригара (1804-1828) в Лейпциге как важнейший центр верхнелужицкого романтизма, имевший основополагающее значение для

определения важнейшей линии развития всей верхнелужицкой литературы XIX в. В рамках этого кружка был осуществлен окончательный переход от “ученой”, “литературной”, “книжной” поэзии к поэзии народной, ранее представленной лишь у отдельных авторов (Р. Мень). Фольклорные и литературные истоки поэзии Г. Зейлера. Первые контакты Г. Зейлера с западными (Й. Добровский, Я. Коллар, В. Ганка, П.Й. Шафарик и т.д.) и южными (С.М. Сарайлия) славянами и значение этих контактов для становления его творчества. Г. Зейлер и немецкая литература. 60 номеров литературного альманаха “Сербске новины” и антология серболужицкой поэзии XVIII-XIX вв. Г.А. Кригара (161 произведение) – выдающийся вклад кружка в создание (новой) серболужицкой национальной литературы.

2) **1829 – 1841.** От кружков и “внутриутробного” развития (большинство произведений предшествовавшего периода и альманах “Сербске новины” распространялись в рукописных списках) литература идет в “массы”: издается по-прежнему очень мало светской литературы, но укрепляется и расширяется славянская взаимность, в атмосфере которой созревают школьники, гимназисты и студенты – обеспечившие бурный размах печатной литературы уже в 1840-е годы. Все плодотворнее становится деятельность Серболужицкой семинарии в Праге, направляемая будишинским епископом Ф.Ю. Локом. В протестантской среде, в основном на почве Нижней Лужицы, продолжается беспримерный спор (в немецкой прессе – другой пока нет) “ригористов” и “модератов”, в котором активно участвуют и серболужицкие протестантские священники: должны ли серболужицкие языки “отмирать” сами собой, постепенно (как считали “модераты”) или необходимо разными средствами (дискутировались и эти средства) “ускорять” их отмирание (“ригористы”). Раскрыть социальную, национальную, идеологическую, психологическую и т.д. подоплеку этих споров. Выход на научную и литературную арену Я.А. Смолера (1816-1884) и его деятельность во Вроцлавском университете.

3) **1840-е годы – середина 1890-х годов.** С началом непрерывного функционирования национальной прессы (1842) открывается наиболее насыщенный и плодотворный период национального возрождения в верхнелужицкой, а с 1880-х гг. – и нижнелужицкой литературах. Общая характеристика специфики формирования литературной общественности, литературной прессы и литературной жизни. Появление различных течений в общественной мысли и в литературе. “Народные песни верхнелужицких и нижнелужицких сербов” (т. 1-2, 1841-1843) Я.А. Смолера и Л. Гаупта – великолепный итог немецко-серболужицко-славянского сотрудничества от эпохи Просвещения до зрелого этапа национального возрождения. Место этого собрания в общеславянской и мировой фольклористике. Дальнейшее развитие серболужицкой

фольклористики в рассматриваемый период. Вклад немецких и славянских собирателей и ученых в развитие серболужицкой фольклористики. Проблематика контактов с немецкой литературой: *серболужичане в немецкой литературе и публицистике*⁹⁶ и *немцы в серболужицкой литературе и публицистике*. Ян Петр Йордан (1818-1891), его деятельность и его место в истории серболужицкого национального возрождения, немецко-верхнелужицких и славянско-немецких литературных взаимосвязей. Истоки конфликта католика Я.П. Йордана с протестантской интеллигенцией, последствия этого конфликта в 1840-е гг. и попытки изживания его в дальнейшем.

Официальное разрешение “Матицы серболужицкой” (1847) и основание журнала “Часопис Матицы серболужицкой” (1848) – важнейший итог усилий верхнелужицких патриотов в 1840-е гг. Общественная и литературная ситуация в конце 1840-х; характер дискуссий – проблема выбора путей. Монографический анализ творчества Г. Зейлера, оценка его места в истории серболужицкой литературы. Монографический анализ творчества других писателей этого периода: Ян Веля-Радисерб (1822-1907), Ян Богувер Мучинк (1821-1904), Герта Вичазец (1819-1885), Ян Бартко (1821-1900), Михал Горник (1833-1894), Корла Август Мосак-Клосопольский (1820-1898), Яремир Хендрих Имиш (1819-1897), Михал Домашка (1820-1897) и др.

Дальнейшее разветвление литературной прессы в 1860-1890-х гг.: журнал “Лужичанин” (1860-1877), журнал “Липа Сербска” (1876-1881), журнал “Лужица” (1882-1937). Творчество Яна Чеслы (1840-1915) как углубление традиций Г. Зейлера и как свидетельство развития исторической и реалистической тенденций в верхнелужицкой литературе. Гений-одиночка нижнелужицкой литературы Кито Фрицо Стемпель (1787-1867) и его непонятая современниками героическая попытка “воссоздать” нижнелужицкую литературу на античной и классической немецкой философской основе и расширить качественный диапазон всей серболужицкой литературы в целом. Значение дальнейшего изучения его творчества в том числе и с точки зрения понимания глубоких внутренних различий верхнелужицкой и нижнелужицкой литератур. Начало непрерывного развития нижнелужицкой прессы. Специфика этого развития. Различия прусской и саксонской политики в этот период. Польский вклад в оживление культурной и литературной жизни в Нижней Лужице (А. Парчевский и др.)

Сербская Лужица как “испытательный плацдарм” в борьбе идеологических концепций “пангерманизма” и “панславизма”. Разные этапы этой борьбы в художественной публицистике и позиции серболужичан. Объединение Германии (1871) и усиление националистических и шовинистических веяний. Развитие капитализма как дополнительная угроза серболужицкому этносу. Дискуссии по поводу

стратегии и тактики национального выживания: ассимиляция с немцами означала социальное равенство и избавление от неизбежного “комплекса неполноценности”. Образование течения “старосербов” и “младосербов” в середине 1870-х гг. Католик Якуб Барт-Чишинский (1856-1909) и протестант Арношт Мука (1854-1932) – духовные вожди “младосербов”; их идейная и эстетическая платформа. Примирение “младосербов” и “старосербов” в интересах единства национально-патриотических сил (1882). Творчество и общественная деятельность Я.А. Голана; серболужицкие эмигранты в России.

Монографический анализ творчества крупнейших писателей и литературных деятелей до начала XX в. Я.А. Смолер как центральная фигура научно-организаторской и издательской жизни в Верхней Лужице. М. Горник, К.А. Енч и становление верхнелужицкого литературоведения. К.Б. Пфуль. А. Мука как ученый, писатель, издатель и организатор научной и культурной жизни. Творчество Яна Валтара и проблема верхнелужицко-немецких литературных взаимосвязей в этот период. Раннее творчество Я. Барта-Чишинского как попытка оживить идеалы национального возрождения (эпос, проза, драмы). Поэзия Я. Барта-Чишинского в ее эволюции; место и значение поэзии Барта-Чишинского в его эпоху и с точки зрения нашей современности. Проблема эстетического “консерватизма” Барта-Чишинского. Публицистика Барта-Чишинского. Я. Веля-Радьсерб и специфика его вклада в развитие разных жанров верхнелужицкой литературы. Развитие исторической прозы в верхнелужицкой литературе. Юрий Вингер (1872-1918). Раннее творчество Я. Лоренца-Залеского (1874-1939) и духовное наследие национального возрождения.

Специфика нижнелужицкой литературы. Творчество Мато Косыка (1853-1940) как очередная героическая попытка создать нижнелужицкую литературу (он стремился сделать для нее то же, что сделали Г. Зейлер и Барт-Чишинский для верхнелужицкой). Эмиграция М. Косыка в США как факт литературной жизни и литературы. Творчество немца Юро Зуровина и его место в истории нижнелужицкой литературы.

6. **1890-е годы – 1918.** Серболужицкие литературы между попытками сохранить наследие национального возрождения и поисками новых идейных и эстетических ориентиров. Творчество Якуба Лоренца-Залеского (до 1906 г.) как попытка средствами литературы предотвратить наступающий кризис. Спад литературной жизни в начале XX в., его причины, поиски новых идейно-эстетических опор. Особая роль Миклавша Андрицкого в верхнелужицкой литературе этого периода; его жизненная трагедия, публицистика и художественное творчество как своеобразный духовный сейсмограф кризисного состояния литературы и общественной жизни. Поиски новой эстетической оптики в лирической

прозе М. Андрицкого. Проблема критического реализма в верхнелужицкой литературе. Мощная чешская поддержка верхнелужицкой литературы и культуры с конца XIX в. (А. Черный, Л. Куба, Й. Пага и др.), ее значение в поисках ориентиров и выхода из кризиса.

Арношт Барт (1870-1956) как публицист и общественный деятель. Создание единой серболужицкой национальной организации Домовина в 1912 г. как новый этап борьбы за консолидацию национальных патриотических сил в усложнившихся условиях. Поэзия, проза и драма рассматриваемого периода. Анализ творчества некоторых писателей этого периода: Миклавш Бедрих Радлюбин (1859-1930) и развитие традиций Я. Вели-Радысерба; Матей Урбан (1846-1931), феномен его литературного творчества: укрепить *исходную базу* серболужицкой литературы, расширив диапазон ее формальных и содержательных возможностей; М. Урбан объединяет в себе традиции и исходные духовные посылки Ю. Меня и К.Ф. Стемпеля – отсюда в т.ч. и его огромная роль как связующего звена *внутреннего единства* серболужицкой литературы. Дискуссии вокруг литературного творчества М. Урбана как отражение борьбы разных тенденций и разных концепций развития внутри серболужицкой литературы *в целом*. Специфика “народнической” литературы в Сербской Лужице. Словацкий вклад в серболужицкую литературу этого периода: творчество Яна Эмануэля Добруцкого (1854-1921) на верхнелужицком языке. Добруцкий как предшественник Йоханнеса Бобровского (1917-1965).

Проблема взаимодействия музыки и литературы в истории серболужицкой культуры: творчество Корлы Августа Коцора (1822-1904), Юрия Пилка (1858-1926) и Бьярната Кравца (1861-1948). Расширение контактов с польской литературой, особая роль Г. Сенкевича. Выход на литературную арену нового поколения писателей: Ян Лайнерт (1892-1974), Йозеф Новак (1895-1978), Михал Навка (1885-1968). Серболужицкая литература и первая мировая война. Усилия серболужицких патриотов по созданию национальной драмы и театра.

Специфика развития нижнелужицкой литературы рассматриваемого периода, место и функции в ней протестантского мирозозерцания: Кито Швеля (1836-1922), Фрицо Роха (1863-1942), Богумил Швеля (1873-1948), Мато Косык и др. Специфика и *эстетическая функция* миссионерских идей в Нижней Лужице. Продуктивность и ущербность “диалога” верхнелужицкой и нижнелужицкой литератур. В каких смыслах можно говорить о единстве серболужицкой литературы до 1918 г.?

7. 1919 – март 1937 г. Противоречия Веймарской Республики и серболужицкая литература в условиях буржуазной демократии. Движение национальных меньшинств Европы и серболужицкая литература. Неудавшийся политический “альянс” с Чехословакией и его отражение в

литературе. Идеология и роль Вендского отдела (1921-1945) в истории Сербской Лужицы и ее культуры. Политика католической и протестантской церквей в годы Веймарской Республики по отношению к серболужицанам. Свобода печати в Веймарской Республике и развитие серболужицкой газетной и журнальной прессы. Возобновление деятельности Союза серболужицких писателей и его консолидирующая роль. Попытки Домовины определить национально-культурные приоритеты, участие писателей в поисках новых форм национальной идеологии. Попытки создания прессы одновременно на двух языках (немецком и серболужицком). Расширение международных связей серболужицкой литературы; особое место серболужицко-чешских и серболужицко-польских связей – общее и различия в этих связях. Переводы мировой художественной литературы. Попытки “выравнивания” функций литературы в Верхней и Нижней Лужицах: творчество Мины Виткойц (1893-1975) и ее роль в дальнейшем сближении двух литератур; Лиза Домашкойц (1869-1935) и Марьяна Домашкойц (1872-1946).

Ян Скала (1889-1945), специфика его общественной деятельности и литературное творчество. Место Я. Скалы в расширении литературных контактов серболужицкой литературы периода Веймарской Республики.

Творчество Якуба Лоренца-Залеского как классический национальный образец серболужицкой духовности. Развитие реалистических и символистских тенденций в творчестве Лоренца-Залеского; их “схождения” и “расхождения”; “тупики” и “выходы” в его духовных поисках. Католическое мироощущение и творческая эволюция писателя.

Развитие серболужицкой поэзии. Ян Лайнерт, Йозеф Новак и др. Особое место Юрия Хежки (1917-1944) в развитии новых эстетических возможностей серболужицкой поэзии. Истоки и смысл его творческих поисков.

Развитие прозы. Бурный рост очерковых жанров и эссеистики: Юрий Слоденк (1873-1945) и т.д. Мерчин Новак-Нехорнский (1900-1990) как писатель и художник, *специфика* его вклада в серболужицкую литературу. Формы и способы разработки *национальной темы* в его творчестве. Марья Кубашец (1890-1976); Миклавш Бедрих-Радлюбин; Ромуальд Домашка (1869-1945) и развитие *беллетристических жанров* в серболужицкой литературе.

Развитие серболужицкой драматургии, ее успехи и неудачи: Юрий Веля (1892-1969); Йозеф Новак, и др.

Развитие литературоведения (Ота Вичаз и др.) и гуманитарных наук в рассматриваемый период.

8. 1937 – 1945. Период “подпольного” существования серболужицкого

этноса и его культуры; подлинный драматизм этого периода для маленького и рассеянного между немцами народа. Анализ причин неудавшихся попыток фашистов сломить жизнеспособность национального этноса. Литературные формы сохранения национального самосознания в условиях фашистского террора.

9. 1945 – 1990. Развитие серболужицкого этноса и литературы в условиях советского оккупационного режима (1945-1949) и ГДР (7 октября 1949 - 3 октября 1990).

Надежды и сложности первых послевоенных лет. Возобновление деятельности Домовины в 1945 г. и проблемы ее дальнейшего развития; постепенное сведение на нет ее роли как *национально-культурной* организации, призванной к консолидации и сохранению национального самосознания. Постепенное подчинение всех общественных и национально-культурных учреждений партийному контролю СЕПГ. Традиции прусской политики “Вендского отдела” в Нижней Лужице и их роль в дальнейшем ускорении процессов онемечивания. Политические и литературные связи с Чехословакией в первые послевоенные годы. Социальная политика ГДР, официальное провозглашение национального равноправия, введение обучения верхнелужицкому и нижнелужицкому языкам в школах, гимназиях – стимулы развития национальной культуры (с существенной оговоркой: национальная культура в ГДР – как и в СССР – понималась своеобразно: деятели национальной культуры свободное могли выражать, хотя и в национальной форме, *общее социалистическое содержание*, разработка же *специфики* национального содержания, требовавшая и специфически национальных форм, ограничивалась и трактовалась как национализм. В результате господствующая культура (немецкая) вольно или невольно навязывала и свое содержание и формы). Противоречивые последствия подобной национальной политики в послевоенном развитии серболужицкой литературы. Зримый и незримый раскол национальной серболужицкой культуры на “гэдээровскую” и национальную ориентации.

Юрий Брезан (род. в 1916 г.) как наиболее яркий выразитель “общегэдээровской” социалистической ориентации. Монографический анализ творчества Ю. Брезана, его уникальная роль в истории серболужицкой литературы, в расширении “доли” немецкого элемента в билингвистическом серболужицком литературном контексте, в расширении международных контактов серболужицкой литературы, в выходе ее (впервые в истории серболужицкой литературы) на общенемецкий (а далее и на западноевропейский) литературный рынок. Сложности современной оценки места Ю. Брезана в истории серболужицкой национальной культуры. Национальная оппозиция Ю. Брезану в различные периоды послевоенного развития серболужицкой

литературы. Ситуация 1995-1997 гг.

Развитие и завершение творчества писателей старшего поколения: М. Новак-Нехорнский, М. Кубашец, Я. Лайнерт, Й. Новак, А. Навка и др.

Творчество Марьи Млынковой (1934-1971) как важная попытка *сохранения национального* в интернационально-социалистическом контексте.

Постепенное складывание национальной ориентации в серболужицкой литературе и оформление двух ведущих тенденций, до 1970-х гг., по существу, еще “скрытых” в общем социалистическом “котле”. Первую из этих тенденций, ярче всего выраженную в творчестве Кито Лоренца (род. в 1938 г., внук Якуба Лоренца-Залеского), можно обозначить как *верхнелужицкую*, другую, идейно и художественно наиболее ярко выраженную в творчестве Юрия Коха (род. в 1936 г.), условно можно назвать *нижнелужицкой* (Ю. Кох живет в Котбусе, не жалея сил для поддержания нижнелужицкой национально-культурной жизни). К. Лоренц выработал духовную и эстетическую концепцию полной открытости всем вызовам современного мира: политическим, идеологическим и эстетическим. Он считает, что в современных условиях серболужицкий писатель может сохранить свою самообытность, не впадая в национальный *провинциализм*, если, переработав все “чужое”, он поднимается *над ним*, потому что у него есть еще и *свое*. То есть он предлагает *открытый эстетический диалог*, в котором акцептируется все “чужое”, но так же открыто предлагается и “свое”. В творчестве Ю. Коха, одного из самых “экологических” писателей в современной литературе (по многим параметрам он сравним с В. Распутиным), проблема экологии природы постепенно переросла в проблему *экологии серболужицкого народа*, которую он изображает как в художественных, так и в предельно публицистических формах. В активном диалоге двух моделей выживания серболужицкого этноса в современных условиях мы видим (наконец-то!) осуществившийся “синтез” верхнелужицкой и нижнелужицкой литератур, где каждая из позиций дополняет и обогащает другую, создавая вместе богатыми нюансами и творчески напряженную метасистему – современную серболужицкую литературу.

Развитие поэзии, прозы, драматургии, эссеистики, литературной критики и литературоведения в рассматриваемый период на примере лучших достижений в каждой из этих литературных областей.

Трагические акценты и нюансы национальной психологии в прозе Ангелы Стаховой (род. в 1946 г.). Бенедикт Дырлих (род. в 1950 г.): творчество между эффектной тривальностью и попытками “театрального” самоуглубления (русская параллель – А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский и т.д.). Слияние “интимного” и “большого” миров в творчестве Рожи Домашницыной (род. в 1951 г.). Другие молодые поэты, прозаики и драматурги.

10. 1990 – 1997...

Присоединение ГДР к ФРГ постепенно обнажило односторонность национальной политики в ГДР: период “разоблачений” и критики. Попытки серболужицкой интеллигенции найти новые ориентиры в изменившихся условиях. Перестройка организации и работы Домовины в сторону отстаивания национальных интересов. Другие изменения в национальных формах организации науки и культуры. Участие серболужичан в работе международных организаций национальных меньшинств Европы. Вхождение серболужицкой литературы в литературный рынок ФРГ. Дискуссии в немецкой прессе в связи с серболужицкой проблематикой (и проблемами других национальных меньшинств в Германии). Создание в 1991 г. немецкого “Фонда для серболужицкого народа”, финансирующего издательство “Домовина”, Серболужицкий институт, Немецко-серболужицкий народный театр и т.д.

Ситуация в современной серболужицкой литературе и дискуссии последних лет. Новые тенденции. Специфика модернизма и постмодернизма в серболужицкой литературе. Оценки перспектив развития.

Содержание доклада отражено в следующих публикациях соискателя*:

Монографии:

1. Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. М., 1997.– 224 с. (Труды Научного центра славяно-германских исследований ИСБ РАН)
2. Серболужицкая словесность в эпоху Просвещения. Краткий обзор. Новополоцк, 1994. – 32 с.
Рецензия на кн.: Лаптева Л.П. “Славяноведение”. М., 1996, № 4. С. 113-114.
3. Серболужицкая литература в эпоху романтизма. Из серболужицкой поэзии. Новополоцк, 1994. – 40 с.
*Рецензии на кн.: Völkel M. Ruske pojednanje wo serbskej romantice // “Rozhlad”. Serbski kulturny casopis. Budyšin, 1994, N 10. Str. 386;
Leszczyński R. Niezwykła książka o literaturze łużyckiej // Zeszyty łużyckie. Tom 13, N 3(15). Warszawa, 1995. S. 84-85;
Ритчик Ю.И. Верность теме // “Информационный бюллетень МАИРСК”. Выпуск 28-29. М., 1996. С. 96-98.*

---

* Более полный список публикаций соискателя см.: Гугнин А.А. Библиография литературоведческих, литературно-критических публикаций и переводов. М.-Новополоцк, 1995.– 63 с.

4. Верхнелужицкая литература в эпоху национального возрождения XIX века: Вводная глава. Новополоцк, 1995. –54 с.
5. История серболужицкой литературы: Краткий очерк с библиографией. М., 1996.– 32 с. (Обзоры Научного центра славяно-германских исследований ИСБ РАН).

Монографические статьи и главы в
академических историях литературы:

6. Юрий Брезан // *Гугнин А.А. Современная литература ГДР*. М., 1987. С. 46-52.
7. Сравнительное литературоведение ГДР и некоторые аспекты изучения славяно-германских литературных взаимосвязей // Сравнительное литературоведение и русско-польские литературные связи в XX веке. М., 1989. С. 53-63.
8. Серболужицкая литература // *История всемирной литературы*. Т. 7. М., 1991. • С. 516-518.
9. Становление серболужицкой литературы в славянско-германском контексте // *Славянские литературы. XI Международный съезд славистов* [Братислава, сент. 1993 г.]. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 56-66.
10. Концепция личности в серболужицком модерне // *Человек в контексте культуры*. Славянский мир. М., 1995. С. 159-164.
11. Серболужицкая литература // *История литератур Восточной Европы после второй мировой войны*. Т. 1. 1945-1960-е гг. М., 1995. С. 519-532.
12. Проблемы серболужицкой культуры эпохи Просвещения // "Славяноведение" М., 1995. № 3. С. 62-77.
13. Die nationale Bewegung der Sorben im slavisch-deutschen Kontext // *Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte in vergleichender Sicht*. Berlin, 1996. N 1. S. 267-272.
14. Серболужицкая литература (от истоков до XVIII века) // *История литератур западных и южных славян*. Т. 1. М., 1997. С. 695-710.
15. Серболужицкая литература (1750-1830-е годы) // *История литератур*

западных и южных славян. Т. 2. М., 1997. С. 201-221.

16. Серболужицкая литература (1840-1890-е годы) // История литератур западных и южных славян. Т. 2. М., 1997. С. 472-490.

Статьи, доклады, тезисы

17. Серболужицкая литература в контексте литературы ГДР: тезисы доклада на Втором научном семинаре по проблемам сорабистики // “Проблеми слов’янознавства”. Львів, 1988. № 37. С. 109-110.

18. Серболужицкие гуманисты и Италия: тезисы доклада // Италия и славянский мир. Советско-итальянский симпозиум. М., 1990. С. 32-33.

19. Концепция личности в романе Я. Лоренца-Залеского “Остров забытых” и проблема серболужицкого модерна: тезисы доклада // Человек в культуре народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Международная конференция. М., 1990. С. 9-11.

20. Серболужицкая литература в славянско-германском контексте: тезисы доклада // Адзінства і мнагастыйнасць. Міждародная канферэнцыя 24-27 мая 1990, 5 секцыя. Мінск, 1990. С. 28-29.

21. Krotki zarys sorabistiki w Sowjetskim zwjazku a w Ruskej po 1945 // “Rozhled”. Budyšin, 1996. № 9. S. 330-332.

22. Серболужицкая литература (1937-1945): доклад на конференции “Литература западных и южных славян периода второй мировой войны” // “Славяноведение”. М., 1996. № 3. С. 72-74.

Рецензии, обзоры, предисловия и комментарии

23. Новые книги рассказов писателей ГДР (Ангела Стахова и др.) // “Современная художественная литература за рубежом”. М., 1978. № 2. С. 30-34.

24. Новые произведения Юрия Брезана. Обзор (1979-1982) // “Современная художественная литература за рубежом”. М., 1984. № 5. С. 40-43.

25. Рецензия на книгу: *Koch J. Pintlaschk und das goldene Schaf*. Berlin, 1983 // “Современная художественная литература за рубежом”. М., 1985. № 4. С. 113-114.

26. Юрий Брезан в поисках глубинных истоков жизни // Предисловие к кн.: *Брезан Ю.* Черная мельница. Повести и рассказы. Составление и предисловие А.А. Гугнина. М., 1985. С. 5-8.
27. Рецензия на книгу: *Моторный В.А., Трофимович К.К.* Серболужицкая литература: История. Современность. Взаимосвязи. Львов, 1987 // "Советское славяноведение". М., 1989. № 5. С. 98-100.
28. Предисловие и справки об авторах (Ю. Кох и А. Стахова) // Неоконченная история. Писатели ГДР о молодежи. Составление А. Гугнина и В. Вебера. М., 1985. С. 5-14; С. 315-316.
29. Зарубежная литература XX века и задачи критики (об изучении и издании серболужицкой литературы) // "Вопросы литературы". М., 1989. № 2. С. 76-86.
30. Новые издания ранних славянских Библий (Обзор серии Biblia Slavica) // UNESCO. Международная ассоциация по изучению и распространению славянских литератур. Информационный бюллетень. Выпуск 26. М., 1992. С. 103-106.
31. Рецензия на книгу: *Zeil W.* Sorabistik in Deutschland. Eine wissenschaftsgeschichtliche Bilanz aus fünf Jahrhunderten. Bautzen/Budyšin, 1996 // "Славяноведение". М., 1997. № 6. С. 103-108.
32. Encyklopedija sorabistiki // "Rozhlad". Budyšin, 1997. N 11. Str.423-425.

Работы по проблематике литературных взаимосвязей и
историко-литературного контекста

33. Рецензия на книгу: *Begegnung und Bündnis. Sowjetische und deutsche Literatur. Historische und theoretische Aspekte ihrer Beziehungen.* Berlin, 1972 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1974. № 1. С. 100-101.
34. Рецензия на книгу: *Angres D.* Die Beziehungen Lunačarskijs zur deutschen Literatur. Berlin, 1970 // "Филологические науки". М., 1975. № 6. С. 119-120.
35. Современная проза ГДР в оценке французской критики (Обзор) // Литература зарубежных социалистических стран в 60-70-е годы. М., 1977. С. 80-89 (в соавторстве с А.Ю. Постниковой).

36. DDR-Literatur in der Sowjetunion: Die Bekanntschaft wird fortgesetzt // "Sowjetliteratur". М., 1979. № 10. С. 150-154.
37. Библиография переводов литературы ГДР на русский язык и критической литературы о ней // Писатели Германской Демократической Республики. Составление А. Гугнина. М., 1984. С. 445-472 (в соавторстве с Г. Альбрехтом).
38. Предисловие и комментарии в кн.: Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского. Составление А.А. Гугнина. Т. 1-2. М., 1985. Т. 1. С.9-14; т. 2. С. 576-596.
39. В.А. Жуковский как переводчик Л. Уланда // Традиции и новаторство немецкого и английского романтизма конца XVIII - начала XIX в. Межвузовский сборник научных трудов. Владимир, 1986. С. 49-71.
40. Краткая библиография основных переводов немецкой литературы на русский язык и критической литературы // История немецкой литературы в трех томах. Т. 3. М., 1986. С. 431-450.
41. Литература ГДР в 70-80-х годах и проблемы культурного наследия // Литература европейских социалистических стран в 70-80е годы. М., 1988. С. 136-142.
42. Edition, Studium und Rezeption der DDR-Gegenwartsliteratur in der UdSSR // Die Literatur der DDR. 1976-1986. Piza, 1988. S. 107-114.
43. Hermann Kants Werke in der UdSSR // "Sowjetliteratur". М., 1988. № 6. С. 158-160.
44. Zur Rezeption von Sowjetliteratur ("Zement" und "Wolokolamsker Chaussee" I und II) // Müller H. Material. Texte und Kommentare. Leipzig, 1989. S. 213-225; та же статья в одноименном издании в ФРГ: Göttingen, 1989. S. 213-225.
45. Комментарии к немецкому, австрийскому, польскому, чешскому разделам в кн.: Зарубежная поэзия в переводах Б.Л. Пастернака. М., Радуга, 1990. С. 609-625; с. 632-635.
46. Россия и Германия: культурные взаимоотношения вчера и сегодня (тезисы выступлений на "круглом столе") // "Литературная учеба". М., 1990. № 5. С.122-123.
47. Идеология, культурная политика и культура: на примере истории литературы ГДР // Социокультурные процессы в странах Восточной Европы (после второй

мировой войны). М., 1992. С. 120-169.

48. Литература ГДР и культурная политика СЕПГ (1949-1990) // Власть и интеллигенция (Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы). М., 1992. С. 78-112.

49. “Серапионовы братья” в контексте двух столетий // Э.Т.А. Гофман. Серапионовы братья; “Серапионовы братья” в Петербурге: Антология. Составление, предисловие, комментарий, подготовка текста А.А. Гугнина. М., 1994. С. 5-40; комментарий С. 693-734.

50. Краткий очерк русско-немецких литературных связей от истоков до первой четверти XIX века // Немцы в России: историко-культурные аспекты. М., 1994. С. 63-109.

51. Вуппертальский проект “Германия и немцы глазами русских” и его историко-культурное значение // “Россия и современный мир”. М., 1994. № 1. С. 132-142.

Основные работы о немецкоязычных литературах в сопоставительном контексте

52. Комментарии в книге: Европейская поэзия XIX века [БВЛ, т. 65]. М., 1977. С. 820-830.

53. Пути западногерманской поэзии // История литературы ФРГ. М., 1980. С. 339-428.

54. Генрих Гейне и его поэзия // Heine H. Das Glück auf Erden. Составление, предисловие и комментарий А.А. Гугнина. М., 1980. С. 5-36; комментарий с. 535-623.

55. Мартин Опиц. Фридрих фон Логау. (Вступление и комментарии) // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 591-605.

56. Современное зарубежное литературоведение о литературе немецкого барокко (Научно-аналитический обзор) // Современные зарубежные исследования по литературе XVII-XVIII веков. Выпуск 1. М., 1981. С. 177-199.

57. Вступая в мир Фейхтвангера... // Фейхтвангер Л. Гойя; Мудрость чудака. Кишинев, 1982. С. 3-13.

58. Встреча через столетия // Встреча. Повести и эссе писателей ГДР об эпохе

“Бури и натиска” и романтизма. Предисловие и комментарии А.А. Гугнина. М., 1983. С. 5-18; комментарии с. 600-620.

59. Немецкая народная баллада: эскиз ее истории и поэтики // Немецкие народные баллады. Составление, предисловие и комментарии А.А. Гугнина. М., 1983. С. 5-25; комментарии с. 341-407.

60. Предисловие // Немецкие народные песни. Составление и предисловие А.А. Гугнина. М., 1983. С. 5-7.

61. Фридрих Шиллер и его новая биография // *Ланштейн П.* Жизнь Шиллера. М., 1984. С. 374-386; там же комментарии с. 387-397.

62. Проблемы изучения и издания Гейне (Критико-библиографические заметки) // “Вопросы литературы”. М., 1985. № 11. С. 247-257.

63. Литературная традиция в прозе ГДР 70-х годов // DDR-Literatur der sechziger und siebziger Jahre. Jena-Tbilissi, 1985. S. 40-46.

64. Современные писатели ГДР. М., 1986. – 64 с.

65. Генрих Гейне // История эстетической мысли: Становление и развитие эстетики как науки. Т. 3. М., 1986. С. 217-224.

66. Вопросы периодизации истории литературы ГДР в трудах литературоведов ГДР 1970-1980-х годов // Современные литературы европейский социалистических стран. 1945-1980. (Историография, периодизация, методология исследования). М., 1986. С. 157-176.

67. Введение и комментарии к разделам «Германия» и «Австрия» // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М., 1986. С. 580-596.

68. Переключка через столетия // *Менцель Г.В.* Годы в Вольфенбюттеле; *Бройн Г. де.* Жизнь Жан-Поля Фридриха Рихтера. Предисловие А.Гугнина. М., 1986. С. 5-12.

69. Современная литература ГДР. Учебное пособие для вузов. М., 1987.–111 с.

70. Иоганн Вольфганг Гёте и тернистая тропа биографа // *Конради К.О.* Гёте. Жизнь и творчество. Т. 1-2. Предисловие и общая редакция А.А. Гугнина. Т. 1. М., 1987. С. 5-25.

71. Я.Гримм. Немецкая мифология (Введение и комментарии к переводу) // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX - XX вв. М., 1987. С. 449-454.
72. Переоценка традиций и проблема культурного наследия в литературе ГДР первых послевоенных лет // Выбор пути. Литература европейских социалистических стран в первые послевоенные годы. М., Наука, 1987. С. 53-92.
73. Романтический челн в бурных волнах истории, или поэзия Людвига Уланда // Уланд Л. Стихотворения. Составление, вступительная статья и комментарий А.А.Гугнина. М., 1988. С. 3-22; комментарий с. 193-215.
74. Эта необъятная «малая» родина, или Размышления о творчестве Иохима Новотного // Новотный И. Избранная проза. Составление и предисловие А.А.Гугнина. М., 1988. С. 5-12.
75. Драматургия Фолькера Брауна // “Современная зарубежная драматургия”. М., 1988. № 5. С. 85-92.
76. Драматургия Хайнера Мюллера // “Современная зарубежная драматургия”. М., 1988. № 5. С. 93-101.
77. Великий Октябрь и пути развития немецкой марксистской критики в 1910-1930-х годах // Октябрьская революция и новая концепция литературы. К истории марксистской литературной критики европейских социалистических стран. М., 1989. С. 85-131.
78. Эмпирические размышления о том, как мы перегнали мировую литературу... // “Литературное обозрение”. М., 1989. № 8. С. 34-39.
79. Постоянство и изменчивость жанра // Эолова арфа: Антология европейской народной и литературной баллады. Составление, подготовка текста, предисловие и комментарии А.А. Гугнина. М., 1989. С. 7-26; комментарии с. 606-660.
80. Франц Фюман (Вступительная статья) // Фюман Ф. Избранное. Составление и предисловие А.А. Гугнина. М., 1989. С. 5-16.
81. Испытание любовью и ненавистью... // Встреча на Эбро : Немецкие писатели в борьбе против фашизма (1933-1945). Составление, предисловие, комментарии А.А. Гугнина. М., 1989. С. 3-16; комментарии с. 494-530.
82. Анна Зегерс // Анна Зегерс. Библиографический указатель. М., 1989. С.10-21.

83. Братья Гримм в зеркале современной биографии // *Скурла Г. Братья Гримм. Очерк жизни и творчества.* М., 1989. С. 5-13.
84. Зигмунд Фрейд – повторение пройденного? // “Вопросы литературы”. М., 1990. № 8. С. 150-160.
85. К вопросу о фольклорных и литературных источниках зонгов Б. Брехта // Брехт – классик XX века. Материалы Брехтовского диалога 1988-90 гг. М., 1990. С. 27-36.
86. Предисловие, справки об авторах и комментарии // *Сильнее всего на свете: Сборник произведений немецких писателей – участников революции 1918-1919 гг. в Германии.* Составление, предисловие и комментарии А.А. Гугнина. М., 1990. С. 5-10, комментарии с. 198-203.
87. Творчество Фолькера Брауна // *Браун Ф. Избранное.* Составление и предисловие А.А. Гугнина. М., 1991. С. 5-22.
88. Через иллюзии к реальностям: заметки о творчестве Кристи Вольф // *Вольф К. От первого лица: Художественная публицистика.* М., 1991. С. 5-24; комментарии с. 402-408.
89. Тревожная идиллия перед большим пожаром // *Вольф К. Летний этюд.* М., 1991. С. 237-251.
90. И.Р. Бехер (К 100-летию со дня рождения) // “Памятные книжные даты”. М., 1991. С. 214-218.
91. “Необозримые поля” Готфрида Бенна // “Вопросы литературы”. М., 1991. № 7. С. 121-131.
92. Генрих фон Клейст (1777-1811) // Клейст Г. фон. Биобиблиографический указатель. М., 1991. С. 3-21.
93. Беттина фон Арним (послесловие и комментарий) // *Древиц И. Беттина фон Арним: Романтизм. Революция. Утопия. Биография.* М., 1991. С. 287-302.
94. Магический реализм: на примере романа Германа Казака “Город за рекой” (1947) // *Творчество Иво Андрича. Миф. Фольклор. История. Литература. Тезисы и материалы.* М., 1992. С. 40-44.
95. Загадки и парадоксы Зигмунда Фрейда // *Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия.* Составление, послесловие и комментарии А.А. Гугнина. М., 1992.

С. 519-542, комментарии с. 545-566.

96. Лион Фейхтвангер, его время и произведения // *Фейхтвангер Л.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1992. С. 481-492.

97. Современная немецкая литература – одна или две литературы? // Новые проблемы, новые решения. Актуальные аспекты изучения литератур Румынии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1992. С. 179-194.

98. Романтизм, модернизм, авангард (Несколько эмпирических наблюдений) // Международный авангард. Особенности развития. М., 1993. С. 36-52.

99. XX век как литературная эпоха // “Вопросы литературы”. М., 1993. Выпуск второй. С. 68-74.

100. Литература ГДР (1945-1967) // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 1. М., 1995. С. 465-518.

101. Магический реализм и социалистический реализм (Несколько тезисов для сопоставительных исследований) // Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995. С. 76-90.

102. Возвращение великого разбойника // Вульпиус К.А. Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников. М., 1995. С. 3-10.

103. Народная и литературная баллада: судьба жанра // Поэзия западных и южных славян и их соседей. Развитие поэтических жанров и образов. М., 1996. С. 74-92.

104. “Людвиг Тик, соперник Шиллера и Гёте...” // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск первый. М., 1996. С. 27-41.

105. Герхард Гауптман и его проза. К 50-летию со дня смерти // Проблемы истории литературы. Выпуск первый. М., 1996. С. 79-89.

106. Некоторые проблемы изучения модернизма // Проблемы истории литературы. Выпуск первый. М., 1996. С. 107-112.

107. Литература Германии // Зарубежная литература XX века. М., 1996. С. 434-479 (в соавторстве с А.В. Карельским).

108. Роман Альфреда Кубина “Другая сторона” (1909) и истоки модернизации немецкоязычной прозы в XX веке // Проблемы истории литературы. Выпуск

второй. М., 1997. С. 85-90.

109. Йозеф Вайнхебер, великий австрийский поэт XX века // Проблемы истории литературы. Выпуск второй. М., 1997. С. 90-106.

110. Альфред Кубин и его роман “Другая сторона” в историко-культурном контексте XX в. // Литература в системе культуры. Материалы научного семинара. Выпуск 1. М., 1997. С. 91-96.

111. Нелли Закс // Поэты – лауреаты Нобелевской премии. М., 1997. С.303-305.

Примечания

¹ Библиографию до 1995 г. см.: *Гугнин А.А.* Библиография литературоведческих, литературно-критических публикаций и переводов. М.-Новополоцк, 1995. – 63 с. В 1995-1997 гг. опубликовано и подготовлено к печати свыше 40 литературоведческих работ по истории немецкоязычных литератур, общим объемом свыше 30 п.л.

² На VII конгрессе Международного объединения германистов в Гёттингене (1985) было представлено свыше 1400 участников из более чем 50 стран и работала специальная секция “Четыре немецких литературы”, см.: *Гугнин А.А.* Сравнительное литературоведение ГДР и некоторые аспекты изучения славянско-германских литературных взаимосвязей // Сравнительное литературоведение и русско-польские литературные связи в XX веке. Отв. ред. В.А. Хорев. М., Наука, 1989. С. 53-64; *Гугнин А.А.* Современная немецкая литература – одна или две литературы? // Новые проблемы, новые решения. Актуальные проблемы изучения литератур Румынии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Отв. ред. М.В. Фридман. М., 1992. С. 179-194.

³ Ясное представление о сложности (и необходимости комплексного *контекстуального* подхода) данной проблематики дает недавно опубликованный сборник статей: Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. Отв. ред. О.В. Хованова. М., 1997. Особенно показательны непосредственно пересекающиеся с идеями автора статьи: *Миллер А.И.* Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицийских русинов (С. 68-74); *Гусев Ю.П.* Венгерская литература в культурном контексте австро-венгерской монархии (с. 125-133). В этой связи вовсе не случайно, что отечественными литературоведами до сих пор не написана *История австрийской литературы*, а то, что написано на эту тему в самой Австрии, пока отражает лишь стадию поисков адекватных методологических подходов (и это, в первую очередь, манифестирует не столько беспомощность литературоведов, сколько необычайную сложность темы, которую нельзя освоить с помощью традиционной методологии).

⁴ Уже в главу “Пути западногерманской поэзии” (“История литературы ФРГ”. Отв. ред. И.М. Фрадкин. М., Наука, 1980. С. 399-428) мы включили разделы о поэзии П. Целана и И. Бахмана, отнюдь не обходя проблему их “австрийскости” и в то же время показывая их неотъемлемость от историко-литературного процесса в ФРГ. Эта же линия “двойной оптики” или “двойственного контекста” была продолжена в работе над главами в “Историю швейцарской литературы” и “Историю австрийской литературы”, подготовляемыми в ИМЛИ. Из опубликованных австрийских материалов см.: *Гугнин А.А.* Роман Альфреда Кубина “Другая сторона” (1909) и истоки модернизации немецкоязычной прозы в XX веке // Проблемы истории литературы. Выпуск второй. Отв. ред. А.А. Гутнин. М., 1997. С. 85-90; *Гугнин А.А.* Йозеф Вайнхебер – великий австрийский поэт XX века / Там же. С. 90-106; *Гугнин А.А.* Альфред Кубин и его роман “Другая сторона” в историко-культурном контексте XX в. // Литература в системе культуры. Материалы научного семинара. Выпуск 1. М., 1997. С. 91-96.

⁵ Обе точки зрения до сих пор дискутируются и имеют достаточно авторитетных сторонников, см.: *Lötsch R.* Einheit und Gliederung des Sorbischen. Berlin, 1965; *Schuster-Sewc H.* Zur Problematik der Entstehung des Niedersorbischen // “Lëtöpis”. Zeitschrift für Sorabistik. Jahrgang 1 (1992). Bautzen/Budyšin, 1992. S. 9-18.

⁶ Только один пример: во время пребывания в Будишине в 1995 г. автор, естественно, общался как с протестантами, так и с католиками. В одном из букнистических магазинов он приобрел весьма любопытные

очерки по церковной истории серболужицких католиков и (в числе других своих находок) показал книгу некоторым ученым-лужичанам (как оказалось протестантам). Самые первые (и совершенно непривольные) слова, которые они произнесли: “Но ведь это же католическое издание...”. Таким образом, даже в элитарной среде ученых религиозное воспитание так или иначе сказывается до сих пор.

⁷ Впервые проблему о роли pietизма поставил серболужицкий историк Ф. Метшк в 1940 г. в диссертации о Генрихе Мильде (1676-1739). Основные работы по данной проблематике: *Mietzschke A. (Mětsk F.) Lusatica aus dem Anfang des 18. Jahrhunderts: Ein Beitrag zur Geschichte des Pietismus in der Lausitz // “Zeitschrift für slavische Philologie”*. Jg. 17. Heidelberg, 1940. S. 123-142. Печеначку этой статьи см. в кн: *Mětsk F. Studien zur Geschichte sorbisch-deutschen Kulturbeziehungen*. Bautzen/Budyšin, 1981. S. 10-23; *Hinrichs G. Der Hallische Pietismus als politisch-soziale Reformbewegung des 18. Jahrhunderts // Jahrbuch für Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*. Bd. 2. Tübingen, 1953. S. 177-189; *Winter E. Der Hallische Pietismus und das bürgerliche Nationwerden der slawischen Völker // Schriftenreihe der Historikerkommission der ČSR und DDR*. Bd. 1. Berlin, 1958. S. 187-192; *Namowicz T. Pietismus in der deutschen Kultur des 18. Jahrhunderts: Bemerkungen zur Pietismusforschung // “Weimarer Beiträge”*. Berlin und Weimar, Jg. XIII, 1967. S. 469-480. Из новейших работ проблематика pietизма исследуется в кн.: *Brézan S. Deutsche Aufklärung und sorbische nationale Wiedergeburt. Eine literaturgeschichtliche Studie zur deutsch-sorbischen Wechselseitigkeit*. Bautzen, 1993. – 216 S. Для наглядности см. конфессиональную схему Верхней и Нижней Лужиц: Приложение № 1

⁸ См.: *Wićaz O. Lipsk jako ródniščo serbskeje romantiki // “Časopis Mačicy Serbskeje”*. Budyšin, 1931. S. 2-42; 1932. S. 3-53. В рассматриваемом контексте диссертанта весьма удивила одна из рецензий на его книжку “Серболужицкая литература в эпоху романтизма” (1994). Коллега из Польши, в целом оценивая публикацию весьма доброжелательно, выступил с достаточно резким отрицанием предложенной в книжке концепции серболужицкого романтизма. Но полемизировать в данном случае нужно было не столько с автором книжки, сколько с Ота Вичазом (1874-1952), который поднял и описал (а частично и опубликовал) в 1931-1932 гг. архивы “Сорабии” и на их основе пришел к совершенно недвусмысленному выводу, с которым и согласился диссертант, дополнив тезисы О. Вичаза собственными наблюдениями и интерпретациями конкретных текстов. Коллега из Польши, ничего не возразив по существу, в принципе не мог согласиться, что *романтизм* в “малой” литературе Сербской Лужицы мог развиваться *раньше*, чем в той же Польше или Чехии. Но в этом-то как раз и состоит одна из специфических черт серболужицкой литературы, что она в равной мере оказывается “привитой” к двум “стволом” – германскому и славянскому – и “питается” от них по собственной воле и в собственных интересах; названную рецензию см.: *Leszczynski R. Niezwykła książka o literaturze lużyckiej // Zeszyty lużyckie*. Tom 13. N 3 (15). Warszawa, 1995. S. 84-85.

⁹ Важнейшая литература о К.Г. Антоне: *Zeil W. Karl Gottlob von Anton und seine Beziehungen zu den Sorben // “Lëtöpis”*. Reine B. Bautzen/Budyšin, 1968. N 1. S. 1-17; N 2. S. 175-220; Pohrt H. Karl Gottlob von Anton und die Slawen // “Zeitschrift für Slawistik”. Berlin, 1968. Bd. XIII. S. 712-721 (с обширной библиографией). См. также обширное предисловие П. Недо к репринтному изданию важнейшей для славистики книги К.Г. Антона: *Anton K.G. Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse*. Bautzen, 1976. S. 3-32; *Lapteva L.P. Karl Gottlob von Anton und sein “Versuch über alten Slawen” in Rußland // “Lëtöpis”*. Reine B. Bautzen/Budyšin. N. 229/1. 1982. S. 14-20. О Яне Горчанском наиболее подробно см. в упомянутой монографии З. Брезана (см. в примеч. 7).

¹⁰ Наиболее подробно о нем см.: *Andert W. Prescher M. Nathanael Gottfried Leske (1751-1786). Zum 225. Geburtstag des ersten Erforschers der Naturkunde und Ökonomie der Oberlausitz und Theoretikers der Landwirtschaft // “Sächsische Heimatblätter”* 23, 1977. N 2. S. 73-89 (с библиографией, включающей 38 сочинений Н.Б. Лески). О Мужаковском кружке просветителей см.: *Jěńč R. Mužakowski kruh rozswětlerjow // Jěńč R. Stawizny serbskeho pismowstwa*. Budyšin, 1954. Dž. I. Str. 89-93.

¹¹ Примеры см.: *Гуэниг А.А. Верхнелужицкая литература в эпоху национального возрождения XIX века*. Вводная глава. Новополоцк, 1995. С. 21-23. Публикации документов см. в изданиях: *Hartstock E., Kunze P. Die Lausitz zwischen Französischer Revolution und Befreiungskriegen 1789-1815. Eine Quellenauswahl*. Bautzen, 1979; *Hartstock E., Kunze P. Die Lausitz im Prozess der bürgerlichen Umgestaltung 1815-1847. Eine Quellenauswahl*. Bautzen, 1985.

¹² В 1835 г., например, верхнелужицким патриотам удалось добиться у правительства Саксонии (где ситуация серболужичан была заметно лучше, чем в Нижней Лужице) разрешения на преподавание верхнелужицкого языка в *начальных школах* среди учащихся-серболужичан.

¹³ См. подробнее: *Гуэниг А.А. Серболужицкая словесность в эпоху Просвещения*. Краткий обзор. Новополоцк, 1994. С. 5-7. Наиболее полная монография о жизни и деятельности А. Френцеля: *Petr J. Abraham Frenzel*. Budyšin,

¹⁴ О связях Й. Добровского с серболужицанами см.: *Páta J. Jozef Dobrowský a Lužice*. Praha, 1929.

¹⁵ Наиболее подробное исследование о связях Б. Больцано с серболужицанами: *Zeil W. Bolzano und die Sorben. Ein Beitrag zur Geschichte des "Wendischen Seminars" in Prag zur Zeit der josephinischen Aufklärung und der Romantik*. Bautzen, 1967. – 264 S. По-прежнему незаменимыми остаются работы Эдуарда Вингера о Больцано, в т.ч.: *Winter E. Bernard Bolzano und sein Kreis*. Dargestellt mit erstmaliger Heranziehung der Nachlässe Bolzanos und seiner Freunde. Leipzig, 1933; *Winter E. Leben und geistige Entwicklung des Sozialethikers und Mathematikers Bernard Bolzano 1781-1848*. Halle/Saale, 1949 (Hallische Monographien, N 14).

¹⁶ Обоснование нашей периодизации (с обзором критики) см.: *Гугнин А.А.* Верхнелужицкая литература в эпоху национального возрождения. Вводная глава. М.-Новополоцк, 1995. С. 3-53.

¹⁷ Основные книги: *Černý A.* Mythiske bytosće lužickich Serbow. Bd. 1-2. Bautzen, 1898; ; *Černý A.* Stawizny basnistwa lužickich Serbow. Bautzen, 1910; *Páta J.* Dobrowský a Lužice. Praha, 1929; *Páta J.* Zavod do studija serbskeho pismowstwa. Budyšin, 1929; *Páta J.* Lužice, Československo a Slovanswo. Praha, 1935; *Páta J.* Lužičké stati. Praha, 1937; *Kuba L.* Čtení o lužici. Cesty z roku 1886-1923. Praha, 1925; *Frinta A.* Lužičtí Srbové a jejich písemnictví. Praha, 1955; *Zmeškal V.* Hôrnikova Lužická knihovna v Praze. Praha, 1931; *Zmeškal V.* Lužičtí Srbové. Praha, 1962; *Peir J.* Úvod do politických a kulturních dějin Lužických Srbů. Praha, 1963; *Mruškovič V.* Slovensko lužickosrbské literárne vzťahy. Martin, 1980; *Bohač Z.* Česke země a Lužice. Budyšin-Tišnow, 1993. В обобщающем виде см.: *Peir J.* Czech-Sorbian Cultural Relations // Language and Culture of the Lusatian Sorbs throughout their History. Ed. by M. Kasper. Berlin, 1987. P. 174-187.

¹⁸ Основное об Ф.Ю. Локке см.: *Zeil W.* Der josephinische Aufklärer Franc Jurij Lok und seine Bedeutung für das "Wendische Seminar" // *Zeil W.* Bolzano und die Sorben. S. 23-56. Новые и важные архивные источники обобщено представлены в статье: *Kilank R.* Franc Jurij Lok und die Oberlausitzische Gesellschaft der Wissenschaften // "Lëtöpis". Reine B-Geschichte. N 1-2 (15). Bautzen, 1968. S. 94-103. Более подробно эти источники представлены в его (неопубликованной) диссертации: *Kilank R.* Franz Georg Lock – Ein Beitrag zur katholischen Aufklärung in der Oberlausitz. Phil. Diss. Berlin, 1970.

¹⁹ В 1841 г. были впервые опубликованы 22 письма из переписки К.Г. Антона и Й. Добровского ("Neues Lausitzisches Magazin". 1841. S. 45-86). В более доступном издании см.: *Krbec M., Michálková V.* Der Briefwechsel zwischen Josef Dobrowský und Karl Gottlob von Anton. Berlin, 1959. См. также: *Zeil W.* Der Briefwechsel Jacob Zurs und Franz Jurij Loks mit Josef Dobrowskij (1778-1797) // "Lëtöpis". Reihe B. 1968, N 15. Bautzen, 1968. S. 67-93.

²⁰ Необходимо настоятельно подчеркнуть, что с понятиями "малая", "средняя" и "большая", автор никоим образом не связывает качественную оценку этих литератур. В чисто прагматическом плане здесь речь идет скорее о неизбежном различии в объеме необходимой подготовительной работы для того, чтобы, скажем, рассмотреть историко-контекстуальным способом историю немецкой литературы. Автор всю свою сознательную жизнь собирает материалы для осуществления подобной задачи и до сих пор не уверен, что это ему удастся – слишком многое еще остается недостаточно изученным. Мы часто, например, повторяем расхожую цифру о 300-х государствах, составлявших Германию в период ее раздробленности, продолжавшейся еще и в XIX веке. Но при внимательном подходе к истории немецкой литературы оказывается, что без глубокого учета региональной специфики историко-культурного процесса в Германии история немецкой литературы оказывается геометрически выпрямленной, лишенной своего подлинного колорита, цветов, красок и запахов. В кандидатской диссертации и в целом ряде сопроводивших ее публикаций автор попытался уяснить специфику "швабского течения" в немецкой литературе (см., например, статью "О понятии "швабская школа" в немецком романтизме" // "Филологические науки". М., 1976. № 4. С. 93-100), но затем – для понимания реального историко-культурного контекста – понадобилось столь же внимательное изучение "саксонского течения", "бранденбургско-прусского течения", "силезского течения", "веймарского течения" и т.д. На данном этапе – применительно к эпохе романтизма, столь специфической в Германии, давшей невиданное в других литературах количество (но с существенными качественными различиями между собой) романтических кружков, течений и центров – автор пока и застрял. В этом смысле литературное развитие в Сербской Лужице представляет собой, хотя и своеобразный, но не столь уж разительно экстраординарный образец типичного для Германии и сохраняющегося до сих пор регионального развития культуры. Ведь не секрет, что в Германии существует весьма разветвленная литература на диалектах – как пример упомянем лишь обширную литературу на нижненемецком языке, имеющую свою длительную историю, свою классику и до сих пор развивающуюся [напомним лишь о творчестве Фрица Рейтера (1810-1874), ставшего крупнейшим немецким писателем своего времени и классиком немецкой литературы, хотя его творчество и до сих пор функционирует (и издается) в

двух вариантах: в оригинале на нижненемецком языке и в переводах на немецкий литературный язык]. Таким образом, историко-контекстуальный подход открывает и новые возможности (и новый взгляд) для истории немецкой литературы. Но попытки Йозефа Надлера в XX в. написать историю немецкоязычных литератур, исходя из “духа” швабских, саксонских, баварских и других германских племен, не имеют ничего общего с предлагаемым здесь историко-контекстуальным подходом. Й. Надлер избрал априорную концепцию и – при всей массе интересных конкретных наблюдений – старательно очищал увлеченный им “дух” от всех последующих (и, как правило, враждебных этому “духу”, нарушающих его “чистоту”) исторических наслоений. В основе же нашей концепции лежит мысль о том, что “дух” народа и его литературы не надо конструировать априорно (это дело идеологов и – в крайнем случае – философов); ученый-литературовед и культуролог должны всегда основываться на сумме доступных им фактов и текстов, уметь разглядеть их в историческом движении и в постоянно изменяющемся историко-культурном контексте. На протяжении обозримой истории этот контекст многократно “очищается” и “загрязняется”, но как только историк литературы дает волю своим (вполне объяснимым для живого человека) эмоциям, он начинает “подгонять” факты и превращается в идеолога. Хотя изучение историй гуманитарной науки показывает, что всякий гуманитарий в той или иной степени идеолог (хотя бы в широком смысле слова – как представитель своей эпохи).

²¹ Поэма написана гекзаметрами, но содержание ее – сугубо национально-патриотическое. Напомним содержание основных частей: 1) Прославление серблужицкого языка, способного выразить любые чувства и любые понятия, языка древнего народа, у которого есть свое богатое и героическое прошлое, где были и победы над германцами; 2) Хвала славным деятелям серблужицкой культуры, работавшим во славу и на пользу своего народа; поименовываются Моллер, Мартини, Варихий, Френцель и Шерах, а также целый ряд других лужичан. 3) Всевышний Ангел показывает поэту прошлое и настоящее серблужицкого народа, прославляя тех, кто в различных формах отстаивал национальную самобытность и независимость, и порицая тех, кто от этой задачи уклонялся, предпочитая удобную приспособленческую жизнь. 4) Призыв во всем лужичанам любить и изучать свой родной язык, который по своим достоинствам и возможностям не уступает никаким другим языкам мира

²² *Mjeń J. Serbskeje rěče zamoženjenje a chwalba we rěčerskim kěrlišu* // Цит. по репринтному изданию 1806 г. в кн.: Brězan S. Deutsche Aufklärung und Sorbische nationale Wiedergeburt. Eine literaturgeschichtliche Studie zur deutsch-sorbischen Wechselseitigkeit. Bautzen, 1993.

²³ При разработке теоретических основ и методики данного исследования автор больше всего доверялся собственному эмпирическому опыту, который вел от юношеского восторга перед В.Г. Белинским (многократно перечитанным до 18 лет) через немецкий позитивизм, усвоенный в 1969-1970 гг. в Берлинском университете (В. Шерер, Э. Шмидт, Р. Краус и т.д.), марксистско-ленинскую социологию (помимо классиков усердное чтение “Эстетики” Д. Лукача, а впоследствии многочисленных трудов Вернера Крауса (1900-1976), которые автор и до сих пор считает в своем роде непревзойденными), немецкую и русскую школы интерпретации (В. Кайзер, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман и др.) к сравнительно-историческому литературоведению и исторической поэтике (А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, А.В. Михайлов и др.). Сначала интуитивно, а с середины 1980-х гг. все более осознанно автор привлекало то литературоведческое направление, которое отделив все, пожалуй, выразилось в научном творчестве А.В. Михайлова (1938-1995), убедившегося в необходимости “соединения “систематического” и исторического подходов к любым предметам истории литературы” (Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. Очерки из истории филологической науки. М., 1989. С. 5) и все больше отходившего от философских теорий (и даже от необходимости четких терминов) в пользу своеобразно трактуемого “эмпирического” литературоведения, в котором “постепенно яснее и яснее становится общая связь и взаимозависимость всего со всем в пределах нашего знания о литературе, и литературовед так или иначе вынужден держать в голове хотя бы идею системы целого со множеством сторон и факторов, понятных лишь в их взаимообусловленности” (там же, с. 230-231). Основная мысль А.В. Михайлова состоит в том, что теория литературы никогда не может быть ни готовой схемой, ни вообще чем-то самодовлеющим – всякий раз это всего лишь рабочая гипотеза конкретного исследователя, основанная на изученном им литературном материале и только такой и может мыслиться. На наш взгляд, процитированные мысли А.В. Михайлова опосредовано (поскольку каждый из исследователей работал на собственном материале) соотносятся с поздними работами М.М. Бахтина (1895-1975) о методологии гуманитарных наук (и в частности литературоведения). В этой связи особенно важно указать на трактовку понятия контекста М.М. Бахтина: “Проблема границ текста и контекста. Каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы. Недопустимо замыкание анализа (познания и понимания) в один данный текст. Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами и переосмысление в новом контексте (в моем, в современном, в будущем)”, см. Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст. 1974. Литературно-теоретические исследования. М., Наука, 1975. С. 206-207..

²⁴ Brězan S. Deutsche Aufklärung und Sorbische nationale Wiedergeburt. Bautzen, 1993. S. 33. Слово “искоренить”

(стереть, уничтожить – ausmerzen) не является преувеличением в серболужицкой истории, см. сборники документов: *Měšk F. Verordnungen und Denkschriften gegen die sorbische Sprache und Kultur während der Zeit der Spätféudalismus: Eine Quellensammlung.* Bautzen, 1969; *Měšk F. Ideologen der antisorbischen Sprachpolitik während der Periode des Übergangs vom Féudalismus zum Kapitalismus: Eine Quellensammlung.* Bautzen, 1973. Своего апогея эта политика национальной дискриминации достигала в 1937-1945 гг.

²¹ На этот момент обращает внимание Л.П. Лагтева, отмечая, например, что в своих публикациях деятели серболужицкой культуры, как правило, “забывали” упоминать о значительной материальной помощи, оказываемой им российскими меценатами, см., например, в кн.: *Лангева Л.П.* Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до первой мировой войны (1914 года). М., 1993. См. также ее замечание о переломе Я.Б. Пеха главы А.Н. Пылина о серболужицкой литературе из “Истории славянских литератур” А.Н. Пылина и В.Д. Спасовича, изданной отдельной книгой: “В переводе Пеха было опущено упоминание Пылина о помощи русских друзей в деле приобретения малым народом Сербского дома и о той дополнительной поддержке, которую ожидают сербские патриоты от России, чтобы довести до конца начатое дело. Серболужицкие деятели охотно принимали русскую помощь, добивались ее, однако предпочитали сведений о ней не предавать гласности, опасаясь обвинений в “антипатриотизме”. Таков был подход серболужицких патриотов к славянской взаимности, связанный с условиями их жизни...” – см.: *Лангева Л.П.* Российская сорабистика XIX - XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. Справочник. М., 1997. С. 56 (Справочники Научного центра славяно-германских исследований. 1.).

²² Решительный поворот к пересмотру подобного взгляда был сделан З. Брезаном в статье: Brézan S. Einige Gedanken zur literarischen Forschungsproblematik. Deutsche Aufklärung – sorbische nationale Wiedergeburt // “Létopis”. Rjad D. N. 1. 1986. Budyšin, 1986. S. 90-92. В этой небольшой статье содержится, по сути, ядро концепции будущей книги (1993, выходные данные см. в примеч. 23). Ссылаясь на тогдашние авторитеты в области сравнительного литературоведения (Ф. Хейль, Р. Пражак, Р. Розенберг, К. Розенбаум, К. Трзгёр), З. Брезан говорит о необходимости особых подходов к проблеме немецко-серболужицких литературных взаимосвязей в эпоху Просвещения (как начальной стадии национального возрождения); он говорит, что речь идет о “выявлении разветвленной и сложной немецко-серболужицкой системы взаимосвязей, имеющей фундаментальное значение для развития серболужицкой литературы в период эмансипационных устремлений до становления наций большинства славянских народов” (с. 91). В завершение статьи он говорит о необходимости некоего “синоптического взгляда на процессы литературного развития” применительно к процессам взаимодействия немецкого Просвещения и серболужицкого национального возрождения (с. 92). В своей монографии “Немецкое Просвещение и серболужицкое национальное возрождение” (представляющей собой опубликованный текст защищенной ранее кандидатской диссертации) З. Брезан заметно конкретизирует свой “синоптический взгляд” и разворачивает действительно широчайшую панораму немецко-серболужицких духовных контактов и литературных взаимосвязей на первых этапах национального возрождения. Для целей монографии З. Брезана оказывается вполне достаточно понятия “немецко-серболужицкая взаимность”, которым он постоянно оперирует и которое вынесено в подзаголовок книги. Для целей же нашего исследования, пытающегося охватить изменчивое движение историко-литературного процесса в Верхней и Нижней Лужице *в целом и в частностях*, понятий “взаимность” и “синоптический взгляд” явно недостаточно: они оказываются слишком аморфными, не отражающими подлинного драматизма исторического развития; например, красивое (и модное сейчас) понятие “взаимность” (Wechselseitigkeit), может быть, вполне применительно в рамках проблематики З. Брезана, но как его использовать при рассмотрении тех периодов, когда ведущей тенденцией взаимосвязей была не “взаимность”, а “враждебность” (Feindlichkeit); понятие “синоптический взгляд”, в принципе, вполне можно использовать и разрабатывать (кажется, и А.В. Михайлов использует такой “синоптический взгляд”, когда говорит о “связи всего со всем”), но автор посчитал более продуктивным воспользоваться уже разработанными в отечественном литературоведении представлениями о “контексте”, сведя их в нужную ему систему и модифицировав применительно к материалу данного исследования.

²⁷ Напомним, что в данном исследовании мы совершенно не касаемся проблем устного бытования серболужицких языков и диалектов, а говорим лишь о письменно зафиксированном языке – в форме рукописей или опубликованных памятиков.

²⁸ Весьма характерно, что даже Л.В. Щерба, живший в Сербской Лужице в 1907, 1908 и 1913 гг. и издавший этапную для серболужицкого языкознания монографию “Восточнолужицкое наречие” (1915), весьма скептически относился к будущему серболужицкому, считая, что “национальное сознание у них отсутствует, и лет через 40-50 только историки будут еще понимать по-лужицки” (цит. по: *Лангева Л.П.* Лев Владимирович Щерба (1880-1944) // *Лангева Л.П.* Российская сорабистика XIX – XX веков... С. 80). Отталкиваясь от исторического происхождения из серболужицких племен, ученый считал, что “национальное сознание” у серболужицян должно непременно (и несмотря ни на что) оставаться только славянским. Но история явила нам достаточно примеров отхода народов (по тем или иным причинам) от первоначальной “чистоты” и

сохранившим тем не менее (пускай и в трансформированном виде) национальное самосознание. Швейцарцы, к примеру, чувствуют себя швейцарцами – на каком бы из своих *четырёх* языков они ни говорили. Почему же нельзя представить себе ситуацию, что серболужичанин, предпочитающий (в силу многих обстоятельств) говорить по-немецки, все-таки совершенно автоматически стопроцентным немцем не становится – тем более, что как гражданин немецкого государства, он так или иначе *должен* чувствовать себя немцем (иначе он бы чувствовал себя *иностранцем*). Правоту наших рассуждений подтверждает то, что 500 лет постоянных пророчеств о скором и окончательном “растворении” серболужичан “в немцах” пока еще не оправдались. Тем важнее разговор о *стицифике* серболужички литературы, вырастающей из специфики серболужичского национального мироощущения (или менталитета, как это в последнее время стали называть).

²⁹ Краткое изложение проблематики см.: *Клюге Р.-Д.* По ту сторону европейского сознания? Исторические и современные аспекты германо-славянских взаимосвязей // “Славяноведение”. М., 1992. № 2. С. 21-31; *Назаренко А.В.* “Натиск на Восток” или “свет с Востока”? История русско-немецких отношений в кругу стереотипов // Там же. С.32-40.

³⁰ См., например: *Knebel J.* Archäologisch-historische Aspekte der frühgeschichtlichen Besiedlung der Lausitz // “Lëtöpis”, Reine B. Bautzen, 1983, N 30/2. S. 162-173; *Lehmann F.* Die territoriale Zugehörigkeit der Oberlausitz // Ibid. S. 183-185.

³¹ Историкам в принципе должны быть хорошо известны факты слабой “отзывчивости” серболужичан на революционные воззвания и призывы (отдельные труды историков ГДР на эту тему носили все же во многом конъюнктурный характер и выдавали желаемое за действительное). В немецкой литературе, к примеру, многократно обыгрывался факт, что лужичане (венды) составляли отборное и самое надежное ядро в охране саксонских королей. Известно и то, что анархисту М.А. Бакунину – при всем его красноречии и апелляции к “братьям-славянам” – так и не удалось вовлечь серболужичан в Дрезденское восстание 1849 г.; так же без особой активности пропустили они мимо себя кровавые революционные события в Германии 1918-1923 гг. Разумеется, отдельные деятели с радикальными или революционными идеями появлялись и среди серболужичкой интеллигенции, но, как правило, они оставались “без народа”, руководствовавшегося нравственно-историческим инстинктом самосохранения этноса. Очень хорошо, хотя и с разных сторон, в данную проблематику вводят две новейшие и написанные по архивным материалам работы: *Remes F.W.* Die Sorbenfrage 1918/1919. Untersuchung einer gescheiterten Autonomiebewegung. Bautzen, 1992; *Шевченко К.В.* Чешско-серболужичские связи с начала XX века до 1938 года. (Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук). М., 1993.

³² Серболужичкий писатель разве только после 1945 г. мог сказать: “Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать” (А.С. Пушкин), потому что рукопись продать ему было просто некому. Драматическая история *материального обеспечения* книгоиздания в Сербской Лужице еще никем не написана, но даже известные ее фрагменты (например, обстоятельства издания поэтических сборников Я. Барта-Чишинского) показывают, что серболужичкий писатель брался за перо поистине только тогда, когда не мог не писать, то есть основным побудительным мотивом к творчеству была внутренняя (экзистенциальная) потребность, всегда (до 1945 г.) понимаемая как служение народу.

³³ Если говорить о сегодняшней, сравнительно благоприятной ситуации (1400 школьников в государственных школах обучаются верхнелужичкому и нижнелужичкому языкам, существуют и неплохо финансируются серболужичкий институт в Будишине и кафедра сорабистики в Лейпцигском университете, издаются серболужичские газеты, журналы и книги; в 1991 г. был создан даже специальный “Фонд для серболужичского народа”, поощряющий развитие серболужичкой науки и культуры), то чтобы реально представить ее себе, нужно либо пожить в Сербской Лужице (в Верхней и Нижней, где положение заметно различается), либо иметь очень богатую фантазию, чтобы понять, *каким образом* в Будишине, например, где на улицах слышится практически *только немецкая речь*, сохраняется крупнейший очаг серболужичского языка, науки, литературы и культуры. Где тот лингвостнописцо (и что еще?) социолог, который все это изобразит или опишет? Радио вещает в Будишине по-верхнелужички один час утром и один час днем, по телевизору вообще передачи на серболужичских языках – крайняя редкость. Но как только мы поймем, что серболужичане в силу многовекового исторического контекста уже давно не просто серболужичане, а “серболужичаномемцы”, то кажущийся трагизм ситуации почти снимается. Трагизм, однако, в том, что история упорно подталкивает их стать просто немцами, а многие из них все еще хотят оставаться серболужиччанами и немцами одновременно.

³⁴ В этой группе произведений очень много утраченного или еще не обнаруженного: тридцать обмотанных веревками связок прозы Х. Непилы были зарыты вместе с ним в могилу в 1856 г., через несколько лет выкопаны, и сохранившиеся тексты публикуются с 1896 г., все более обнаруживая совершенно самобитное дарование этого автора, кончившего лишь начальную школу и никуда не выезжавшего из своей деревни. Обширная

философская поэма Ф.К. Стемпеля “Три могущественных горна” была, к сожалению, не понята и не оценена деятелями национального возрождения; рукопись была вновь обнаружена в 1950 г., опубликована в 1963 г., но недостающее литературоведческое освещение ее пока еще не начато; “Симфония “ищущей серболоужицкой души””, роман “Остров забытых” (1918-1924) Я. Лоренца-Залеского, хотя и был опубликован в 1931 г. и затем дважды перепечатывался, по-прежнему нуждается в глубокой, действительно *контекстуальной* литературоведческой интерпретации, см. статья: *Гугнин А.А.* Концепция личности в серболоужицком модерне // Человек в контексте культуры. Славянский мир. Отв. ред. И.И. Свирида. М., 1995. С. 158-164.

³⁵ *Krauss W.* Das wissenschaftliche Werk. Berlin, 1984. Bd. 1. S. 222; *Rosenberg R.* “Nationale oder vergleichende Literaturgeschichte? Zur Geschichte der komparatistischen literaturwissenschaftlichen Denkens in Deutschland: 1848-1933 // “Weimarer Beiträge”. Berlin, 1982, N 11. s. 26. См. более подробный обзор данной проблематики в статье: *Гугнин А.А.* Сравнительное литературоведение ГДР и некоторые аспекты изучения славяно-германских литературных взаимосвязей // Сравнительное литературоведение и русско-польские литературные связи в XX веке. Отв. ред. В.А. Хорев. М., 1989. С. 53-63.

³⁶ Сюда так или иначе относятся все работы с националистической окраской (книги Й. Надлера, например), хотя это вовсе не должно быть для подобного рода работ совершенно неизбежным. Но все же именно при изучении национальной литературы *только* в национальном контексте нередко (и без всяких оговорок) возникают “великие” писатели и “великие” произведения, которые заметно теряют в своем величии уже при рассмотрении их в региональном контексте. Мы сравниваем Г. Зейлера с А.С. Пушкиным только в одном смысле – в той роли, которую каждый из них сыграл для *своей* национальной литературы в процессе обретения ей своего собственного, неповторимо национального, облика. По-настоящему же сравнивать писателей между собой в масштабах мировой литературы – задача неизмеримо сложная и для современного уровня литературоведения еще недостижимая. Особенно при попытках выхода за пределы европейского контекста.

³⁷ Очень точно и емко об этом региональном контексте написал Полномочный Министр Посольства Республики Словении в Российской Федерации, см.: *Рупшик А.* Специфические черты исторического развития словенцев в рамках Габсбургской империи // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 84-87.

³⁸ Очень показательна в этом смысле статья: *Гусев Ю.П.* Венгерская литература в культурном контексте Австро-Венгерской монархии // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 125-133. Статья эта (на наш взгляд, справедливо полемизирующая с некоторой умозрительностью теории сравнительного литературоведения Д. Дюринши, – впрочем с признанием его бесспорных заслуг) и названием и всем содержанием своим подтверждает нашу идею о назревшей необходимости переходить в изучении истории национальных литератур от национального контекста (в означенном нами выше смысле) к региональному контексту. Именно к региональному контексту (в нашем понимании) убедительно апеллирует Ю.П. Гусев.

³⁹ Чешско-австрийско-немецкий контекст настолько огромен, что, на наш взгляд, к его освоению пока еще делают только первые подступы. Когда в историко-статистических работах утверждается, что чехи *боролись* за равенство с немецким языком вплоть до 1918 г., но “однако в действительности немецкий язык оставался официальным государственным языком” (см. *Попова И.В.* Культурная политика австрийских властей в чешских землях. Последняя треть XIX в. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 49), то для нас очевидно, что должно было пройти не одно десятилетие после 1918 г., пока сами чехи (и вообще литературоведы-слависты) смогли основательно проработать “чешскость” чешской литературы и прописать ее историю в национальном контексте (который, как указывалось выше, вовсе не исключает, но даже предполагает разнообразное сравнения с другими литературами, изучение историко-литературных и типологических контактов и т.д.). Но для написания историй чешской литературы в *региональном* контексте, всего этого оказывается сегодня уже недостаточно. По нашим наблюдениям, именно в сторону углубления исследования регионального контекста чешской литературы направлены в последнее десятилетие работы С.В. Никольского, Л.Н. Будаговой, С.А. Шерлаимовой и ряда других исследователей, см., например, сборник статей: Специфика литературных отношений. Проблемы изучения общности славянских литератур. М., 1994. Д. Дюринши предлагает во вводной статье “перестройку всей существующей системы традиционного сравнительного изучения литературы” (с. 11), но его практические предложения носят слишком общий (почти абстрактный) характер.

⁴⁰ *Schuster-Sevc H.* Sorbische Sprachdenkmäler. 16.-18. Jahrhundert. Budyšin/Bautzen, 1967. S. 471.

⁴¹ Более подробно см.: *Гугнин А.А.* Хандрош Тара // Гугнин А.А. Введение в историю серболоужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. М., 1997. С. 31-35 (а также примеч. №№ 53-60, с. 46-47).

⁴² *Lorenz K.* Handroš Tara // Serbska čitanka – Sorbisches Lesebuch. Hrsg. von K.Lorenz. Leipzig, 1981. S. 29.

⁴¹ В необходимости внимательного изучения в связи с Х. Тарой польского и даже чешского литературного контекста автора окончательно убедило чтение монографии: *Мочалова В.В.* Мир наизнанку. Народно-городская литература Польши XVI-XVII вв. М., 1985.

⁴⁴ См. Схему в конце доклада, где изображена *специфика соотношения* национальных литературных контекстов в рамках регионального литературного контекста (по принципу *схемы*, но не по принципу масштабной карты): Приложение № 2.

⁴⁵ Нет возможности приводить здесь всю огромную литературу по названной проблематике. Укажем лишь на одну *особенность* очень многих отечественных и зарубежных работ, относящихся к данной проблематике, которая для автора окончательно прояснилась после нескольких бесед-дискуссий с известным словацким литературоведом Дионизом Дюришиным (см. *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979, а также многие другие его труды). Когда мы вместе попытались найти в его схемах сравнительного изучения литератур (компаративистики) место для совершенно конкретных историко-литературных явлений и писателей (имелась в виду серболужицкая литература в ее специфических моментах), то оказалось, что этого места не находилось. Мы попытались “на ходу” усовершенствовать схему, но в ней обнаружилось столько лакун и непредусмотренных явлений, что исследование историко-литературного процесса с высоты “орлиного полета” потеряло всякий интерес для автора (который и никогда не имел к этому склонности). Возвращаясь к *особенностям* очень многих работ, относящихся так или иначе к *теории литературы*, хотелось бы со всей определенностью подчеркнуть, что без некоторых рабочих схем или гипотез историк литературы почти невозможно обойтись (и в этом смысле предлагаемый здесь историко-контекстуальный подход – тоже, разумеется, схема и всего лишь рабочая гипотеза), но построение этих схем должно идти *снизу*, от досконально изученного историко-литературного материала, который рано или поздно, но неизбежно требует промежуточных “фиксаций”, рабочих обобщений и схем. Но эти обобщения и схемы никогда не могут претендовать ни на что большее, как только на “промежуточность”. Ибо, хотя Д. Дюришин (да и не он один) и “подчеркивает финальную устремленность современной компаративистики к общим, типологическим закономерностям мирового литературного процесса” (*Богданов Ю.В.* Опыт теоретической систематизации сравнительного изучения литературы // Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979. С. 14), но что мы можем всерьез сказать о закономерностях мирового литературного процесса без знания закономерностей (и, главное, смысла движения) исторического процесса в целом? Чтобы снова не запутаться в теориях, сейчас, видимо, плодотворнее всего начать кропотливую и во многом черновую работу “снизу”, с расширения самого количества рассматриваемых фактов и углубления нашего качественного представления о них. Прежде чем написать историю мировой литературы в *мировом контексте*, необходимо попытаться сначала а) написать истории европейских национальных литератур в их региональных контекстах; б) историю европейской литературы в европейском контексте; и так далее. Современная ситуация в литературоведении такова, что, почти (ибо всегда возможны и будут конкретные уточнения) овладев материалом национальных литератур в национальных контекстах, мы стоим лишь на подступах к овладению региональными контекстами. Что, разумеется, никак не умаляет ценности разнообразных исследований, ведущихся, на наш взгляд, именно в данном направлении, см., например: *Функции литературных связей*. На материалах славянских и балканских литератур. Отв. ред. С.В. Никольский. М., 1992; *Проблемы жанра в литературе средневековья*. Отв. ред. А.Д. Михайлов. М., 1994; и так далее. Очень близка диссертанту постановка проблемы *литературного региона* в статье: *Толстой Н.И.* Становление хорватской литературы и литературный регионализм в XVI–XVIII вв. // *Славянские литературы в процессе становления и развития*. От древности до середины XIX века. Отв. ред. А.В. Липатов. М., 1987. С. 174–206. В данном случае нас не смущают очевидные различия в понятии “регион”: Н.И. Толстой смотрит через “микроскоп” лингвиста и этнокультуролога на развитие хорватской словесности в течение трех столетий, мы же стремимся обозреть основные поворотные пункты истории серболужицкой литературы на всем протяжении ее развития. В нашей системе понятие “регион” оказывается значительно более широким.

⁴⁶ См. подробную статью о начальном этапе ее деятельности: *Ермакова М.И.* Серболужицкая матица // *Славянские матицы*. XIX век. Часть первая. М., 1996. С. 159–189.

⁴⁷ *Пыпин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. 1091.

⁴⁸ *Pypin A.N.* Das serbisch-wendische Schrifttum in der Ober- und Niederlausitz. Aus dem Russischen übertragen sowie mit Berichtigungen und Ergänzungen versehen von Traugott Pech. Leipzig, 1884. Невольно возникает ощущение, что если бы А.Н. Пыпин не позволил себе процитированного вывода, то и переводчику незачем было бы тратить столько времени на “исправления и дополнения”.

⁴⁹ “Советское славяноведение”. М., 1989. № 5. С. 98–100.

⁵⁰ Точная классификация всех этих коммуникативных функций литературы в данном случае совершенно не

входит в нашу задачу, да и литературоведение этой проблематикой, кажется, уже достаточно занималось.

⁵¹ Здесь нет возможности даже для краткого анализа немногочисленных статей, предисловий и рецензий по серболужицкой литературе, публиковавшихся в отечественной прессе после 1945 г. и относившихся, как правило, к анализу конкретных произведений серболужицкой литературы после 1945 г. Переводов серболужицких писателей на русский язык было немного и почти все они отражены в библиографии: *Лугин А.А.* Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. М., 1997. С. 202-204.

⁵² Для автора совершенно исключительную роль имела работа в коллективе, подготовившем “Историю литератур западных и южных славян” (т. 1-2. М., 1997; т. 3 готовится к печати) и в коллективе, подготовившем “Историю литератур Восточной Европы после второй мировой войны” (т. 1. М., 1995; т. 2 готовится к печати); участие в других коллективных изданиях филологических, культурологических и исторических подразделений Института славяноведения и балканистики РАН.

⁵³ Это относится к работам (книгам и статьям) историков В.В. Седова, Г.Э. Сангуча, В.К. Ронина, Б.Н. Флори, Л.П. Лаптевой; лингвистов О.Н. Трубачева, Вяч.Вс. Иванова, М.И. Ермаковой – см по библиографии в кн.: *Лугин А.А.* Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. М., 1997. С. 205-213. Библиографию отечественных сорабистов (в т.ч. Л.Э. Калнынь, Л.П. Лаптева, М.И. Ермакова, С.С. Скорвид, С.Э. Бокариус и К.В. Шевченко) теперь см. в кн.: *Лаптева Л.П.* Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. Справочник. М., 1997. – 132 с. Из работ К.К. Трофимовича, заслуженного энтузиаста сорабистики, посвятившего ей, по сути, всю свою научную жизнь и организовавшего *первую* на территории бывшего СССР кафедру сорабистики во Львовском университете, наибольшую ценность, на наш взгляд, сохраняют труды по истории верхнелужицкого литературного языка (докторская диссертация и сопутствовавшие ей работы), а также статьи по истории серболужицко-украинских взаимосвязей.

⁵⁴ *Stone G.* The Smallest Slavonic Nation. The Sorbs of Lusatia. London, 1972. – 201 p.

⁵⁵ *Language and Culture of the Lusatian Sorbs throughout their History.* Ed. by M. Kasper. Berlin, 1987. – 211 p.

⁵⁶ *Serbja w Němskej. Die Sorben in Deutschland. Sieben Kapitel Kulturgeschichte.* Hrsg. von D. Scholze. Bautzen, 1993. – 223 S.

⁵⁷ Опубликованные в 1994 г. “Материалы к истории серболужицкой литературы 1945-1990 гг.” являются именно “материалами” – неудавшейся попыткой коллектива серболужицких литературоведов создать концептуальную историю серболужицкой литературы после 1945 г. Все главы были в основном завершены до 1990 г., а попытки их “доработать” пока не дали ощутимого результата. Но как собрание “материалов” (конкретных историко-литературных фактов) эта книга на данном этапе просто незаменима: *Přinoški k stawiznam serbskeho pismownstwa lět 1945-1990. Zběrník. Redakcija: M. Völkel. Budyšin, 1994. – 300 str.*

⁵⁸ Серболужицкое издательство “Домовина” было основано в Будишине в 1958 г. До этого основная масса серболужицкой книжной продукции выпускалась немецким издательством “Фольк унд виссен” в Берлине, где была создана *серболужицкая редакция*.

⁵⁹ *Hanschke J.* Anmerkungen zur deutschsprachig verlegten sorbischen Literatur zwischen 1945 und Anfang der 60er Jahre in der DDR // “Lëtöpis”. Bautzen/Budyšin, 1992, N 1. S. 100.

⁶⁰ В настоящее время Ю. Брезан имеет самое полное собрание сочинений за всю историю серболужицкой литературы: 14 томов на немецком языке, не считая многочисленных отдельных изданий и сборников, и 15 томов на верхнелужицком языке, не считая еще более многочисленные отдельные издания (включая и издания на нижнелужицком языке).

⁶¹ Некоторые из национально-патриотически настроенных представителей “старой” серболужицкой интеллигенции говорили, что Ю. Брезан пишет по-немецки лучше, чем по-серболужицки; иногда эти отзывы просивались даже в серболужицкую печать, см., например, рецензию Ф. Метшка на “Старуху Янчову” Ю. Брезана, а также дальнейший контекст этой проблемы в статье: *Piničkowa Ch.* Literarische Zweisprachigkeit bei den Sorben 1949-1989 // “Lëtöpis”. Bautzen/Budyšin, 1992, N 1. S. 93.

⁶² Сначала (после “Фольк унд виссен” это были молодежные (“Нойс leben”) и детские (“Киндербухферлаг”), а затем и другие (“Миттельдойчер ферлаг”), в том числе и самые элитарные издательства (“Ауфбау”, “Реклам”).

⁶³ То, как историки литературы ФРГ обходятся сейчас с немецкоязычными серболужицкими писателями, заслуживает более обстоятельного разговора. Здесь лишь подчеркнем, что крупнейшие писатели публикуются

на немецком языке не только в “Домовине”, но также в журналах и издательствах ФРГ.

⁶⁴ На одном из международных симпозиумов в Тюбингенском Международном центре (1995) специально и подробно дискутировался вопрос о “региональной специфике”, уточнялся разнообразный контекст понятий “монокультура”, “бикультура” и “мультикультура” и те сочетания, в которые они могут вступать при анализе конкретной ситуации в одном регионе, или даже в отдельном городе (Прага, Берлин и т.д.). Конференции, посвященные истории и современности народов, проживающих в бассейне Балтийского моря, входят в постоянную программу Академии Балтийского моря (Ostseeakademie) в Травемюнде (под Любеком).

⁶⁵ Koschmal W. “Die sorbische Moderne” // “Lëtöpis”. Reihe D. Budyšin, 1988, N 3. S. 51-55; Koschmal W. Das sorbische “Wortland” – “Na puću za druhej domiznu” (Zur Sprache des Unbewußten in der sorbischen Literatur) // “Lëtöpis”, 1992, N 39. H. 1. S. 84-90.

⁶⁶ Perspektiven sorbischer Literatur. Hrsg. von W. Koschmal. Köln; Weimar; Wien, 1993.– 325 S.; Koschmal W. Grundzüge sorbischer Kultur. Eine typologische Betrachtung. Budyšin, 1955.– 142 S.

⁶⁷ Укажем здесь еще на один любопытный коллективный компаративистский труд, подготовленный В. Кошмалем: Periodisierung und Evolution. Hrsg. von W. Koschmal. (Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 32. Wien, 1993).

⁶⁸ Koschmal W. Perspektiven sorbischer Literatur // Perspektiven sorbischer Literatur. Hrsg. von W. Koschmal. S. 9-46.

⁶⁹ Ibid. S. 41.

⁷⁰ Ibid. S. 46.

⁷¹ Lorenc K. Bikulturalität und Selbstverständnis // “Theater der Zeit”. Berlin, 1995. N 1. S. 44.

⁷² К. Лоренц несколько лет работал (как литературовед) научным сотрудником Института серболужицкого народоведения в Будишине (после 1990 г. переименован в Серболужицкий институт), издавал литературоведческие работы и монографии, в том числе имеющую очень широкий международный резонанс хрестоматию: Serbska čitanka – Sorbisches Lesebuch. Leipzig, 1981.– 730 S.

⁷³ См. в этой связи показательные книги: Strunz J. Literatur und Interkulturalität. Komparatistische Studien zur Literatur und Kultur in Italien, Kroatien, Slowenien, Österreich. Klagenfurt/Celovec, Hermagoras/Mohorjeva, 1993; Strutz J. “Komparatistik regional – Venetien, Istrien, Kärnten”// Zima P.V. Komparatistik. Tübingen, 1992. S. 294-331. В отечественной науке продуктивная тенденция к проработке регионального контекста отчетливо проявилась в книге: Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. Отв. ред. О. Хованова. М., 1997.– 319 С. В принципе схожие идеи лежат и в основе очень важной серии трудов “Славяне и их соседи”, см. в том числе последний: Славяне и немцы. Средние века – раннее Новое время. Сборник тезисов 16 конференции памяти В.Д. Королюка. Отв. ред. Л.В. Заборовский. М., 1997. – 167 с.

⁷⁴ Институт всеобщей истории РАН после документальных книг “Россия и Швеция” и “Россия и Испания” объявил об издании приоритетной серии “Россия и Европа”, которую начал выпуском весьма любопытного научно-культурологического сборника: Россия и Италия. Отв. ред. Н.П. Комолова, Е.С. Токарева. М., 1993.– 456 с.

⁷⁵ Мы имеем в виду, например, такой вполне самостоятельный (и с определенной методикой) род исследований, как изучение оппозиции “свой”–“чужой”, или получившие тоже достаточно широкое распространение темы вроде “русские глазами немцев” и “немцы глазами русских”, наиболее объемно разработанные в широко известном Вуппертальском проекте под руководством Л. Копелева, см. подробнее: Гугнин А.А. Вуппертальский проект “Германия и немцы глазами русских” и его историко-культурное значение // Немцы в России: Историко-культурные аспекты. Отв. ред. Т.Г. Биткова. М., 1994. С. 6-22. Но именно этот труд (нами изучено пока 6 томов) со всей очевидностью показал, насколько сложна даже проблематика “взаимоотражений”: Россия “глазами немцев” показана значительно основательнее и документированнее и – главное – точнее, чем Германия и немцы “глазами русских” – только ли потому, что “русская сторона” в авторском коллективе представлена в этих томах только одним Л. Копелевым? Представляется, что подхода к теме Германия и немцы “глазами русских” научно, то есть максимально непредвзято, трудно избежать представления нескольких точек зрения на заявленную проблематику (хотя бы западнической и славянофильской, которые имеют свою давнюю и продолжающуюся до сих пор традицию).

⁷⁶ Наиболее богатой по методологии и достигнутым конкретным результатам в научном плане на сегодняшний день представляется коллективная разработка проблематики “балканской модели мира”, представленной в

“Балканских чтениях” и многих авторских монографиях по данной проблематике.

⁷⁷ Но, хотя бы в примечании, необходимо заметить, что наиболее болезненный процесс в истории изменения функционирования общественного сознания — это ломка стереотипов, в том числе и научных. Функционирование стереотипов в общественном сознании — это нормальная форма его бытия. Но стереотипы так же успешно функционируют и на уровне научного сознания, это, так сказать, *обыденные научные стереотипы*. Так, гениальные идеи В.И. Вернадского (1863-1945) о “живом веществе природы” и “ноосфере” как “геологической силе”, продолжающей по-своему деятельность “живого вещества природы”, сформулированные в основных чертах еще в начале 1920-х гг. и требующие совершенно новой оптики и методологии также и в сфере общественных наук, пока доходят к нам в заметно популяризированном виде. Но *региональный контекст* — это и есть то “живое вещество природы”, в “котле” которого “варится” уже доступная нашему наблюдению человеческая цивилизация. Всемирный или мировой контекст на данном этапе развития гуманитарных наук возможен, к сожалению, пока лишь как попытка *приблизительного суммирования* национального и регионального опыта. Именно поэтому — при огромной затрате сил и времени огромным авторским коллективом — наши представления о действительном развитии всемирного историко-литературного процесса по прочтении “Истории всемирной литературы” (тт. 1-8. М., Наука, 1983-1994) остаются почти на прежнем уровне: механическое соположение отдельных национальных литератур, дополненное попытками обобщений регионального развития, дает, конечно, некую *сумму*, но эта сумма пока еще далеко не равняется всемирному историко-литературному процессу, этому движущемуся и развивающемуся из ноосферы “живому веществу природы...”

⁷⁸ Если А.Н. Пыпин, к примеру, только упоминает катехизис Х. Тары (поскольку его произведения на немецком языке были открыты немецким литературоведом Й. Больте только в 1896 г.), то Р. Енч уже включил в свою “Историю серболужицкой литературы” (т. 1, 1954) краткое описание содержания “Скорбной жалобы” и “Женского зеркала”. В книге В.А. Моторного и К.К. Трофимовича отсутствует даже единственное упоминание о Х. Таре. Вот и получается, что глава А.Н. Пыпина сегодня еще не заменяема даже в фактическом отношении.

⁷⁹ Подробный социалингвистический анализ современной языковой ситуации (и ассимиляционных процессов, включая и обстоятельный анализ их причин) см.: *Norberg M. Sprachwechselprozeß in der Niederlausitz. Soziolinguistische Fallstudie der deutsch-sorbischen Gemeinde Drachhausen/ Hochoza. Uppsala, 1996. — 215 S.* (Там же и обширная библиография, с. 183-192). Большой и труднодоступный материал по социокультурной ситуации в Сербской Лужице в целом (и в Нижней Лужице, в частности) собран в книге: *Urban R. Die Sorbische Volksgruppe in der Lausitz 1949-1977. Ein dokumentarischer Bericht. Marburg/Lahn, 1980. — 384 S.*

⁸⁰ Цит по: *Měštk F. Erwägungen zur Stellung der niedersorbischen Literatur in der Geschichte des sorbischen Schrifttums // Die Sorben in Deutschland. Hrsg. Von Maćica Serbska. Budyšin/Bautzen, 1991. S. 52.*

⁸¹ *Stempel K.Fr. Te tšy rychle tšubały a druge pěsni. Budyšin, 1963. Str. 228-235.*

⁸² *Jenč R. Stawizny serbskeho pismowstwa. II. dźěl. Budyšin, 1960. Str. 6.*

⁸³ Мы здесь не имеем в виду труды энциклопедического характера, где основной задачей является систематизация имеющегося материала, а не концепция литературного развития и выявление его закономерностей, например: *Frima A. Lužičti srbové a jejich pisemnictví. Praha, 1955.* Тем самым вовсе не ставится под сомнение полезность и необходимость работ подобного типа.

⁸⁴ *Janaš P. “Erwägungen” aus der Sicht des Jahres 1991 // Die Sorben in Deutschland. Hrsg. Von Maćica Serbska. Budyšin/Bautzen, 1991. S. 58.* В промежутке, правда, была опубликована монография П.Новотного “Нижнелужицкая литература. 1918-1945” (1983), написанная первоначально для третьего тома “Истории серболужицкой литературы” (который до сих пор так и не вышел); но эта монография, будучи сама по себе достаточно информативной, старательно избегает даже какого-либо намека на концепцию нижнелужицкой литературы в целом (показательно, что нет ни ссылок на статью Ф. Метшка, ни полемики с ним) — видимо, тогда лучше всего было делать вид, что никакой проблемы не существует, см.: *Nowotny P. Dolnoserbske pismojstwo. 1918-1945. Budyšin, 1983. — 94 S.*

⁸⁵ *Pothoff W. Sorbische literarische Romantik zwischen slavischer Wiedergeburt und Klassizismus // Die Welt der Slaven. Halbjahresschrift für Slavistik. München, Jg. XXVII; N. F. 6, 1982. S. 184.*

⁸⁶ И даже то, с каким тщанием Стемпель впоследствии переводил на нижнелужицкий язык Федра и Феокрита, — тоже исходит из его размышлений о подвиге Ю. Меня, рискнувшего перевести на верхнелужицкий язык “Мессиаду” Клопштока. Так же, как Ю. Мень сблизил верхнелужицкую поэзию с немецкой, Стемпель хотел

сблизить нижнелужицкую поэзию с античностью. Идеи национального возрождения Стемпель трактовал по-своему, считая себя прямым наследником традиций Ю. Меня, а идеи славянской взаимности остались ему чуждыми, потому что он *впервые* услышал о них, может быть, в 40 лет. Кажется, что В. Поттхоф, справедливо отвергая один вариант поверхностного типологизирования, не удержался от соблазна другого, но тоже поверхностного варианта типологии. И все же его статья, столь *искусственно* вовлекающая нижнелужицкий национальный (во избежания недоразумений в подобных случаях можно было бы говорить: *локальный*) контекст, в совершенно далекой и чуждой ему проблематику Йозефинского просвещения и большевизма, потому что в прусской протестантской среде не было настоящей питательной среды для этих духовных течений (разве что через pietизм, но и его воздействие в Нижней Лужице было весьма ослабленным), заставляет острее работать мысль по принципу “от противного”.

⁸⁷ Несколько вопросов для специалистов по другим литературным регионам – эти вопросы диктует не типологический, а именно контекстуальный подход: не представляет ли история румынской и молдавской литератур в то же время и историю одной металитературы (условно, скажем, румыномолдавской или молдавсोरумынской)? Не представляет ли история чешской и словацкой литератур в то же время и историю чехословацкой металитературы? Тот же самый вопрос к обособившимся историям сербской и хорватской литератур? Не упускаем ли мы что-то очень существенное в неизбежно продолжающемся диалоге этих литератур, сосредотачиваясь лишь на их *обособленном* рассмотрении? Но – повторю – рассмотрение на уровне металитературы не может быть простой суммой литератур с некоторыми дополнительными украшениями – для описания металитературы надо найти и свой метаязык, т.е. прежде всего глубоко понять новый контекст и увидеть в нем наличие того, чего никак невозможно отыскать в каждом из исторически сложившихся национальных контекстов по отдельности. Как раз история маленькой Сербской Лужицы, много раз менявшей свою государственную принадлежность (государство Само, Великоморавская держава, Польша, Чехия, Венгрия, Пруссия и Саксония, Германия, Веймарская Республика, “третий рейх”, ГДР, ФРГ), наглядно показывает, что национальная литература имеет свои законы, не укладывающиеся в государственные границы, но и мы ведь не пограничники, а литературоведы. Для некоторой наглядности помещаем приблизительную схему, позволяющую увидеть различия национальных контекстов верхнелужицкой и нижнелужицкой литератур, а также многосоставность национального контекста серболужицкой литературы как метасистемы (металитературы), не поддающейся адекватному описанию с помощью простого суммирования составляющих ее систем (литератур): Приложение № 3.

⁸⁸ Подробнее см.: *Měšk F. Der Kurnärkisch-wendische Distrikt. Bautzen, 1965. S. 122-124; см. также: Měšk F. Gottfried Treuer // Nowy biografiski słownik k stawisnam a Kulturje Serbow. Budyšin, 1984. Str. 571; Geschichte der Sorben. Bautzen, 1977. Bd. 1. S. 240.*

⁸⁹ На наш взгляд, не случайно Д. Дюришин, один из весьма заслуженных авторитетов современной компаративистики, эту проблему не затрагивает. Д. Дюришин очень близко подходит к нашей теме, вводя понятие “литературная общность” (это, собственно и есть региональный контекст, о котором мы говорим), но он трактует это понятие, исходя исключительно из позиций национальных литератур (то есть на практике не выходит за рамки национального контекста, который, разумеется, включает в себя и всевозможные связи и типологические параллели и т.д.). Вообще современный кризис компаративистики связан прежде всего с тем, что ее *методология основывалась на составлении сложившихся национальных литератур* и очень мало учитывала исторические аспекты реального “складывания” и “раскладывания” этих национальных литератур. При такой методологии ничего больше и не остается, как только “делить” памятники (или писателей), принадлежащие сразу двум или нескольким литературам по национальным “карманам”. Но можно ли, к примеру, “рассечением” одного писателя на две литературы решить *всю* проблему: “Такие бикультурные писатели, как Коллар и Шафарик, которые “живут”, можно сказать в чешской литературе иначе, чем в словацкой, представлены в обеих – сообразно их месту и значению в данной литературе” (Д. Дюришин. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1974. С. 248-249). Только этим единственным замечанием Д. Дюришин и ограничивается (и в рамках истории национальной литературы этого вполне достаточно) – как раз там, где сама проблема-то, собственно, и начинается. Типологически (но это уже несколько иная типология) проблема развития и взаимодействия чешского и словацкого языков и литератур выглядит в *каком-то смысле* похожей на ситуацию верхнелужицкого и нижнелужицкого языков и созданных на этих языках литератур (да и сами различия чешского и словацкого языков, видимо, усилились из-за исторических дезинтеграционных процессов; чешский и словацкий историко-культурные контексты всегда различались, имели свою специфику; но ведь и *общий контекст* у них тоже всегда был). А значит и чехословацкая литература может и должна изучаться как метасистема, состоящая из двух систем, но отнюдь не равная простой сумме этих двух систем (как мы это пытались показать на примере серболужицкой литературы). Но чтобы понять и адекватно описать эту метасистему, необходимо в равной мере досконально знать обе системы, составляющие данную метасистему, включая и их специфический национальный контекст и всю противоречивую динамику их взаимоотталкиваний

и взаимоприятий. Тогда, разумеется, роль Коллара и Шафарика в истории чехословацкой литературы не сведется к простой сумме вклада, сделанного ими в чешскую и словацкую литературы. Но это будет уже не компаративистика, а историко-контекстуальный подход.

⁹⁰ В немногочисленных отечественных работах о Ф. Кафке, написанных исключительно германистами, как расхожее место упоминается лишь пражский колорит “Замка”, хорошее знание бюрократического механизма Австрийской империи (также расхожее упоминается, что Кафка был юристом) и вскользь говорится о хасидских легендах (или фольклоре), которые тоже привлекали внимание Кафки.

⁹¹ О том, что она не исчезла бы полностью (мы опускаем здесь тот факт, что наука изучает и “мертвые” языки – прусский, полабский и т.д.) свидетельствует хотя бы то, что многие славянские привычки и обычаи стали привычками и обычаями немцев (или это бывшие славяне, онемеченные в предшествующие столетия?), проживающих в Сербской Лужице. От нижнелужичан мы с интересом узнали о том факте, что в последние годы увеличился приток немцев в кружки и на мероприятия Домовины: эти немцы хотят лучше узнать исторический культурный контекст (ландшафт), в котором они живут. Сознание человека исторически изменчиво, и как знать, не суждено ли ему югда-нибудь повернуться в сторону исчезнувших и исчезающих культур и народов. Господствующий ныне взгляд на историю только с точки зрения идеологии “победителей” может югда-нибудь оказаться полностью исчерпанным (духовно и фактически), и тогда может возникнуть другая оптика истории: истории с позиций побежденных, уничтоженных, подавленных культур – и, может быть, именно отсюда человечество сможет извлечь новый и необходимый для него нравственный опыт (и “прогрессистская” модель мира, все еще представляемая позитивистской наукой, тогда, видимо, тоже окончательно расшатается).

⁹² Эта функция литературы, требовавшая активного диалога и взаимопонимания интеллигенции и народа, до определенной степени осуществлялась в Верхней Лужице, что же касается Нижней Лужицы, то плодотворного диалога интеллигенции и народа (по многим причинам) так и не получилось. По поводу этих причин см. в т.ч. очень емкую и точную по сути статью: *Калынь Л.Э. Особенности языковой ситуации в Нижней Лужице как следствие языковой ассимиляции // Славяноведение. М., 1997. № 2. С. 4-10.* И в то же время Л.Э. Калынь, как славист, прослеживает лишь *одну сторону* многоступенчатого процесса ассимиляции: она совершенно верно отмечает, что сохранение большого числа нижнелужицких диалектов (едва ли не в каждой деревне свой, отличный от других, диалект) связано с особенно ревностным желанием сохранить именно “свое”, оградив его от “чужого”. На уровне этнокультурном и этнопсихологическом нижнелужицкие “венды” порой весьма открыто противопоставляли (уже в XIX в. да и сейчас) себя верхнелужицким “сорбам” (Sorben), – в то время как верхнелужичане и до сих пор воспринимают этноним “венды” как оскорбление (это хорошо отражено в художественной литературе, например, у А. Стаховой, и проверено на уровне психологических тестов). То есть они в этом случае приняли издавна внушавший им немцами этноним (и этот пример можно прибавить к тем двум, которые специально обсуждены в статье, где говорится о принятии нижнелужицкими диалектами немецких лексем для названий *отца* и *матери* – см. назв. статью, с. 8).

⁹³ *Koschmal W. Die sorbische Moderne // “Lëtöpis”. Reihe D. N 3. Budyšin, 1988. S. 51-58.*

⁹⁴ См.: *Реутин М.Ю. Народная культура Германии: позднее средневековье и Возрождение. М., 1966. – 217 с.*

⁹⁵ А.Д. Дуличенко выделяет следующие этапы *письменной фиксации* “лужицкого” языка: собственные имена (IX в.), “лужицкие” глоссы в латинских текстах (XII в.), фразы, предложения (XI – XII вв.), собственно тексты (XVI в.), см. “Таблицу 2” в статье *Дуличенко А.Д. Зарождение славянских литературных языков (до XIII в.) // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 416.*

⁹⁶ Интересный отправной материал по данной теме собран в книге: *Hoffmann L. Die Sprache und Literatur der Wenden. Hamburg, 1899. – 39 S.*; дальнейшие материалы см.: *Meine Landsleute. Die Sorben und die Lausitz im Zeugnis deutscher Zeitgenossen. Von Spener und Lessing bis Pieck. Hrsg. von H. Zwahr. Bautzen, 1984. – 603 S.*

